

НУЛЕВОЙ КОНТУР

Василий Букин

Нулевой контур

«Автор»

2026

Букин В. М.

Нулевой контур / В. М. Букин — «Автор», 2026

Мирон Ермаков умеет чувствовать, когда ломается металл. Но однажды исправная машина сообщает ему невозможное: она уже погибла. Через три дня. На борту будет его сестра. Мирон пытается остановить рейс, но диагностика не находит ни одной неисправности. А затем многотонный караван бесследно исчезает с дороги. След ведёт туда, где города выпадают из времени, машины помнят мёртвых, а любое спасение имеет цену.

© Букин В. М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Том I. Долг мёртвого города	5
Глава 1. Машина, умершая завтра	5
Глава 2. Проверка	10
Глава 3. Допуск	13
Глава 4. Рейс К-214	18
Глава 5. След под бетоном	25
Глава 6. Белая трещина	29
Глава 7. «Снегирь»	33
Глава 8. Люди в одной машине	37
Глава 9. Правила перед выходом	41
Глава 10. Учебная авария	46
Глава 11. Голос матери	49
Глава 12. Пятый член экипажа	52
Глава 13. Город, которого нет	55
Глава 14. Сестра старше	59
Глава 15. Ночная смена	63
Глава 16. Сорок лет назад	67
Глава 17. Архив прибытий	71
Глава 18. То, что осталось от людей	74
Глава 19. Турнир ремонтников	78
Глава 20. Раненый город	82
Глава 21. Сохрани больше	85
Глава 22. Предложение Воронцова	88
Глава 23. Чужая мать	91
Глава 24. Сердце собирает тело	96
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Василий Букин Нулевой контур

Том I. Долг мёртвого города

Глава 1. Машина, умершая завтра

В ремонтном боксе было тихо ровно до тех пор, пока Мирон не положил ладонь на левое колено ходока.

Потом металл ударил ему в зубы.

Не звуком. Ощущением. Будто кто-то приложил к коренному зубу камертон и один раз коротко щёлкнул ногтем.

Мирон отдёргнул руку.

Над ним, под самым потолком шестого ангара, висела туша грузового «Тороса». Восемнадцать метров стали, композитов и старой заводской привычки делать всё тяжелее, чем требовалось. Машина стояла на сервисных упорах, брюхо было раскрыто, из него свисали кабельные кишки. На жёлтом борту белела маркировка: ТР-41, маршрут Пермь - Екатеринбург - Астана.

За спиной шипела сварка. Слева кто-то ругался из-за заклинившего ключа. Под потолком ездил кран, медленно, с достоинством человека, который знает, что без него здесь ничего не сдвинется.

Обычная ночная смена.

Только колено было мёртвым.

Мирон снова коснулся корпуса, на этот раз двумя пальцами.

Ничего.

Он провёл выше, по бронекожуху гидравлического узла. Тёплый металл, лёгкая вибрация насосов, знакомая дрожь старого подшипника. Потом ещё сантиметр.

Щелчок вернулся.

В голове возникло очень ясное и очень неправильное знание: эту деталь уже разорвало.

— Ермаков!

Мирон обернулся.

Костя Белкин торчал по пояс из сервисной ямы и махал ему датчиком толщины.

— Ты там женишься на нём или работать будешь?

— На тебе женюсь. Ты компактнее.

— Поздно. Я обещан профсоюзу.

Мирон показал ему средний палец и снова посмотрел на колено.

Он работал с ходоками шестой год, если считать учебную мастерскую, где половину времени они разбирали списанные манипуляторы, а вторую половину пытались понять, почему после сборки оставалось три лишних болта. Он знал, как умирает металл.

Перед трещиной металл не кричит. Он копит.

Усталость накапливается в месте, которое ещё выглядит целым. Шестерня работает ровно до последнего зуба. Рама держит нагрузку до того момента, когда перестает. Любая вещь некоторое время живёт в долг.

Большинство механиков видели этот долг на графиках, в микротрещинах и спектре вибраций.

Мирон иногда чувствовал его ладонью.

Он никому этого не объяснял.

Первый раз он попробовал в двенадцать лет и получил от отца по затылку за то, что назвал кухонный чайник «уставшим». Через два дня у чайника отлетела ручка. Отец долго смотрел на неё, потом на Мирона, потом сказал, что совпадения полезны тем, что учат держать язык за зубами.

Мирон урок запомнил.

С тех пор он говорил только то, что можно было подтвердить прибором.

Сейчас приборы молчали.

Он подключил переносной вибросканер к диагностическому порту. На дисплее побежали зелёные полосы.

Опора: норма.

Гидролиния: норма.

Нагрузка на шарнир: двенадцать процентов от допуска.

Усталостный ресурс: сорок восемь тысяч циклов.

— Да ладно.

Костя выбрался из ямы и подошёл, вытирая руки о штаны.

— Что?

— Левое колено.

— Что левое колено?

— Не нравится.

Костя посмотрел на узел. Потом на экран. Потом снова на Мирона.

— Это технический диагноз?

— Пока эмоциональный.

— Тогда выпиши ему отпуск.

Мирон присел у порта и открыл журнал событий. Последний критический отказ был восемь месяцев назад, когда на ТР-41 сгорел управляющий блок второго контура стабилизации. После ремонта машина прошла четырнадцать рейсов.

Он листал записи быстрее.

Плановое обслуживание. Замена фильтров. Ошибка датчика давления. Перегрев привода. Ничего.

Потом экран мигнул.

Список прыгнул вниз.

Мирон увидел строку, которой секунду назад не было.

КРИТИЧЕСКОЕ СОБЫТИЕ 71-А.

Он ткнул пальцем.

Запись открылась.

Время: 14.08.2249, 05:42:17.

Сегодня было одиннадцатое августа.

Мирон перечитал дату три раза.

— Кость.

— М-м?

— Подойди.

— Я уже подошёл.

— Ближе.

Костя наклонился к экрану.

Текст продолжался.

РАЗРУШЕНИЕ ОПОРНОГО УЗЛА Л-2.

ПОТЕРЯ СТАБИЛЬНОСТИ КОРПУСА.

КАСКАДНЫЙ ОТКАЗ ПОЛЕВОГО КОЛЬЦА.

СТАТУС МАШИНЫ: КОНСТРУКТИВНАЯ ГИБЕЛЬ.

СТАТУС ЭКИПАЖА: НЕ ОПРЕДЕЛЁН.

И ниже, отдельной строкой:

СОБЫТИЕ УЧТЕНО.

Костя перестал улыбаться.

— Это что?

— Хотел у тебя спросить.

— Часы сбились?

— На три дня вперёд?

— После последней прошивки могло что угодно сбиться.

Мирон открыл системное время. Одиннадцатое августа. 23:18.

Он вернулся в журнал.

Запись была на месте.

— Сфоткай, — сказал Костя.

Мирон поднял браслет, включил камеру.

Экран погас.

Над сервисной панелью щёлкнуло реле.

— Не трогал, — сказал Костя сразу.

— Вижу.

Ходок перезагрузил диагностическую шину. Свет на панели вернулся через четыре секунды.

Журнал открылся с начала.

Критического события не было.

Костя выпрямился.

— Хорошо.

— Что хорошо?

— То, что я тоже это видел.

Мирон снова положил ладонь на колено.

Щелчок стал сильнее.

Теперь он чувствовал не только разрыв. За ним шло падение. Огромная масса машины заваливалась влево, поле устойчивости схлопывалось, и на долю секунды вся конструкция теряла право оставаться целой.

А потом было что-то ещё.

Это был не удар, а пустота.

Как если бы ходок не разбился, а перестал быть там, где должен был разбиться.

Мирон отнял руку.

— Сменного мастера сюда.

Костя нахмурился. «Ермаков, ты уверен?»

— Нет.

— Прекрасно.

— Поэтому и зову.

Сменным мастером была Надежда Семёновна Бурова, женщина ростом метр пятьдесят восемь и голосом, способным выключать станки без кнопки аварийной остановки. Она явилась через семь минут, в синей куртке поверх домашней футболки. Судя по надписи на футболке, ночью она собиралась спать, а не обсуждать с двумя механиками будущее.

— Показывайте.

Мирон показал всё, что мог.

Вибросканер: норма.

Рентген: норма.

Тепловая карта: норма.

Журнал: чистый.

— А теперь ту часть, ради которой меня выдернули, — сказала Бурова.

Костя кашлянул.

— Там была запись.

— Какая?

— О критическом отказе. Дата послезавтра, то есть уже после послезавтра. Четырнадцатое.

— Через три дня, — поправил МIRON.

Бурова закрыла глаза.

— Белкин, если ты ещё раз объяснишь дату словом “послезавтра” рядом с графиком рейсов, я отправлю тебя считать шплинты.

— Понял.

— Ты видел?

— Да.

— Скрин?

— Панель перезагрузилась.

— Свидетель?

— Белкин.

Бурова посмотрела на Костю.

Костя поднял руки.

— Я трезвый.

— Это не ответ.

— Тогда да. Видел.

Бурова сняла перчатку и сама коснулась кожуха. Ничего, конечно, не почувствовала. Ещё раз прогнала диагностику. Проверила резервную шину. Запросила архивный слепок из городской сети.

Все системы были исправны.

— ТР-41 уходит утром? — спросил МIRON.

— В шесть сорок.

— Снимите его с линии.

Бурова медленно подняла голову.

— На каком основании?

— На основании того, что он через три дня погибнет.

Костя тихо сказал: «Можно было начать мягче».

Бурова не улыбнулась. «Ермаков, ты понимаешь цену отмены рейса?»

— Примерно.

— Нет, не понимаешь. Через него идёт аварийная партия кольцевых секций для Астаны. Если мы снимаем “Торос”, на сутки встают две колонны. Если колонны встают, степной коридор закрывают на погодное окно. Если коридор закрывают, секции повезут через Казань. Пять дней сверху и две комиссии мне на голову.

— Лучше две комиссии, чем похороны.

— У нас нет основания для похорон.

МIRON хотел сказать, что основание у него под ладонью.

Не сказал.

Бурова смотрела внимательно. Она знала его давно и слишком хорошо знала, что МIRON не любил драму. Если он начинал драму, обычно где-то рядом действительно горело.

— Ладно, — сказала она. — Ставлю глубокую проверку опоры. До окончания рейсового допуска не будет.

— Спасибо.

— Не спасибо. Если это программный мусор, вы оба завтра пишете объяснительные. Если не мусор, я сама напишу вам премию.

Она уже собиралась уходить, когда в дальнем конце ангара хлопнула дверь.

— Мирон!

Он узнал голос и закрыл глаза.

Евдокия шла между сервисными стойками, перешагивая кабели так, будто ангар принадлежал ей. Чёрные волосы были собраны в кривой хвост. За спиной висел жёсткий кейс с эмблемой Пермского конструкторского лицея. На куртке красовался временный транспортный допуск.

Мирон посмотрел на кейс.

Потом на допуск.

Потом на сестру.

— Нет.

Евдокия остановилась в трёх шагах.

— Ты даже не знаешь, что я скажу.

— Знаю.

— Откуда?

— У тебя лицо человека, который уже подписал бумагу, а теперь пришёл сообщить родственникам.

Костя тихо отступил к яме.

Евдокия улыбнулась слишком невинно. «Я еду на ТР-41».

В ангаре снова стало тихо.

На этот раз Мирону это не понравилось совсем.

Глава 2. Проверка

Утром «Торос» разобрали до тех мест, куда обычно не лезли без причины.

Причина нашлась только одна: Мирон Ермаков.

И она никому не понравилась.

К девяти часам возле ТР-41 стояли представители службы безопасности перевозок, два инженера завода, специалист по полевым кольцам и человек из транспортной инспекции, который первым делом спросил, где кофе, а вторым, кто здесь распространяет сведения о гибели рейсовой машины.

Мирон стоял рядом с Буровой и молчал.

Костю Белкина уже опросили отдельно. Судя по его лицу, профсоюзный брак временно откладывался.

Главного инспектора звали Платон Юрьевич Клин. У него была аккуратная седая борода, гражданская куртка без знаков службы и привычка трогать пальцем край каждого экрана, будто проверял, настоящий ли тот.

Он открыл результаты полного обследования.

— Опорный узел Л-2: дефектов нет. Рама: дефектов нет. Полевое кольцо: дефектов нет. Архив событий: аномальных записей нет. Резервный архив: нет. Городская копия: нет. Заводская копия: нет.

Он посмотрел на Мирона.

— Что есть?

— Я и Белкин.

— Это я вижу.

— Мы оба видели запись.

— С будущей датой.

— Да.

— О том, что машина погибнет.

— Что она погибла.

Клин чуть приподнял бровь.

Мирон продолжил: «Формулировка была в прошедшем статусе. “Конструктивная гибель”. И “событие учтено”».

Инспектор перелистнул электронный протокол.

— А после этого запись исчезла.

— Да.

— Камера не успела зафиксировать.

— Панель погасла в момент записи.

— Удобно.

— Мне тоже не понравилось.

Бурова едва заметно качнула головой. Не спорь, означало это.

Мирон и не собирался. Пока.

Клин обошёл машину и остановился у левого колена.

— Вы заявили, что знали о неисправности до появления записи.

— Сказал, что узел мне не нравится.

— Почему?

— По вибрации.

Это была ложь, но хорошая ложь. Вибрация была настоящей, просто ничего не показывала.

— Какой диапазон?

— Низкий.

— Насколько низкий?

Мирон не ответил.

Клин улыбнулся без веселья. «Вот поэтому я не люблю механиков с интуицией».

— А я инспекторов с хорошим слухом.

Бурова наступила Мирону на ботинок.

Сильно.

Клин снова открыл протокол.

— У вас был доступ к маршрутной сетке?

— Как у любого механика смены.

— Вы знали, что рейс важный?

— После разговора с мастером.

— До?

— Знал, что “Торос” идёт на Астану. Не знал груз.

— На борту будет двадцать семь человек.

— Двадцать восемь.

Клин задержал палец над экраном.

— Почему?

— Моя сестра едет техником от конструкторского лица.

На секунду в глазах инспектора появилось что-то человеческое. Потом исчезло.

— Теперь понятно.

— Что понятно?

— Почему вы хотите снять машину с рейса.

Мирон почувствовал, как внутри что-то холодеет.

— Я хочу снять её с рейса не потому, что там сестра.

— Но сестра там.

— Да.

— И вы утверждаете, что видели невозможную запись о будущем отказе, которую нельзя восстановить.

— Я не утверждаю будущее. Я утверждаю запись.

— Разница тонкая.

— Нет. Разница единственная, которая пока у нас есть.

Клин закрыл протокол.

— Рейс получит допуск.

Мирон шагнул к нему.

Бурова снова наступила на ботинок, но на этот раз он не заметил.

— Вы серьёзно?

— Машина прошла двойную диагностику. Полевое кольцо проверено под нагрузкой.

Опорный узел разобран и собран заново. Оснований задерживать груз нет.

— А два свидетеля?

— Свидетели не заменяют дефект.

— Когда он появится, будет поздно.

— Когда появится, будем работать с дефектом. Сейчас мы работаем с неподтверждённой информацией.

Мирон посмотрел на Бурову.

Она была зла. Но не на него.

— Я могу снять машину своим решением, — сказала она.

Клин кивнул.

— Можете. И тогда объясните Совету снабжения, почему остановили аварийный груз на основании исчезнувшей строки.

— Объясню.

— А после объяснения вас отстранят. Машину всё равно отправят другим допуском через четыре часа.

Он говорил спокойно. Не угрожал. Просто ставил детали на стол.

Бурова знала это лучше Мирона.

Она сжала губы.

Клин перевёл взгляд на него.

— Есть ещё вопрос. Сервисная шина получила несанкционированный запрос за двадцать секунд до появления аномальной записи.

— Какой запрос?

— На полный журнал будущих событий.

Костя, стоявший в стороне, хмыкнул.

— Будущих чего?

Клин не повернулся.

— Такого раздела в системе нет.

Мирон почувствовал знакомый щелчок, только теперь не в зубах. Где-то глубже.

— И запрос пришёл с моего браслета, — сказал он.

— Да.

— Я его не отправлял.

— Разумеется.

— Посмотрите запись с камеры.

— Посмотрели. Вы стояли возле порта. Браслет был у вас.

— Руки были на корпусе.

— Это не исключает голосовую команду.

— Я не знал, что можно запросить то, чего в системе нет.

Клин впервые слегка улыбнулся. «Наконец мы согласны».

Глава 3. Допуск

К полудню Мирона отстранили от работ на ТР-41.

Не арестовали. Не обвинили. Просто забрали доступ к сервисной шине до окончания внутренней проверки.

Это было хуже, чем спор.

Спор можно выиграть.

С процедурой можно было только жить.

Евдокию он нашёл в столовой ремонтного узла. Она сидела у окна, ела гречку с чем-то, что столовая называла мясом, и собирала на столе маленького шестиногого дрона.

Дрон был размером с кошку, только кошка, по мнению Мирона, должна была иметь меньше режущих кромок.

Он сел напротив.

— Ты не едешь.

Евдокия не подняла головы.

— Доброе утро.

— Уже день.

— Тогда ты опоздал с воспитанием.

Она защёлкнула боковую панель дрона. Машинка открыла один глаз камеры, посмотрела на Мирона и отвернулась.

— Он меня осуждает? — спросил МIRON.

— Он обучается на моих реакциях.

— То есть осуждает.

— Очень.

МIRON отодвинул её тарелку, чтобы дрон не сел в кашу.

— Дуня.

Она подняла глаза.

Он называл её так только дома или когда боялся.

Она это знала.

— Я слышала про проверку, — сказала Евдокия.

— Не всё.

— Ты увидел в журнале запись о катастрофе через три дня.

— Кто рассказал?

— Костя.

— Я его убью.

— Он сказал, что ты это скажешь.

— Тогда сначала похвалю за точность.

Евдокия откинулась на спинку стула.

Она была младше на четыре года и с тринадцати лет относилась к этому как к административной ошибке. В семнадцать она уже спорила с инженерами, которые были старше Мирона вдвое, и дважды выигрывала городские конкурсы дистанционной механики. Если где-то существовала инструкция «не лезть руками», Евдокия воспринимала её как вызов.

— Я не могу отказаться, — сказала она.

— Можешь.

— Не хочу.

— Это другое.

— И важнее.

МIRON вздохнул. «Там что, без тебя Астана развалится?»

— Нет. Там мои ремонтники.

Она постучала по корпусу дрона.

— Первый полевой тест вне города. Настоящий маршрут. Настоящий ходок. Если пройду, бюро заберёт проект у лица и даст мне контракт.

— Тебе семнадцать.

— Спасибо, я записала.

— Ты несовершеннолетняя.

— По гражданскому кодексу. По техническому допуску у меня третий класс и право сопровождать автономные комплексы с куратором.

— Куратор кто?

— Роман Глебович.

Мирон поморщился.

— Тот, который однажды запустил стенд без кожуха?

— Он после этого очень уважает кожухи.

— Дуня.

— Мирон.

Они замолчали.

Через окно было видно верхнюю часть «Тороса». На солнце жёлтая броня выглядела почти весёлой. Техники закрывали сервисные люки. На спине машины поднимались кольца стабилизаторов, сложенные сейчас одно в другое.

Мирон вдруг понял, что сестра смотрит не на него.

На ходока.

И улыбается.

Не потому, что не верит ему.

Потому что хочет туда.

Он слишком хорошо знал это выражение. Сам так смотрел на первую разобрannую машину, когда ему было пятнадцать.

— Ты мне веришь? — спросил он.

Евдокия перестала улыбаться.

— Да.

Ответ оказался хуже, чем «нет».

— И всё равно поедешь?

— Да, потому что я тебе верю, но не думаю, что любое страшное чувство надо превращать в решение за всех.

Мирон нахмурился. «Это не чувство».

— У тебя нет доказательства.

— Белкин видел.

— Белкин видел строку на экране. Ты увидел смерть машины ещё до строки.

Мирон замер. «Костя и это рассказал?»

— Нет. Ты сейчас.

Евдокия улыбнулась уголком рта. «Ты ужасно врёшь, когда пытаешься быть старшим братом».

Он посмотрел в окно.

Проклятая девочка.

— Я иногда знаю, когда вещь сломается, — сказал он.

— Насколько иногда?

— Достаточно, чтобы это раздражало.

— И давно?

— Давно.

— А мне не говорил.

— Тебе в двенадцать лет нельзя было объяснить даже, почему нельзя сушить двигатель в духовке.

— Сработало.

«А духовка до сих пор пахнет смазкой», — напомнил Мирон.

Евдокия провела пальцем по краю дрона и уже без улыбки спросила: «Что ты почувствовал у “Тороса”?»

Мирон помолчал, подбирая слова. «Будто я коснулся не будущей поломки, а её следа. Словно трещина уже случилась, хотя металл ещё цел».

Евдокия нахмурилась. «Но “Торос” исправен».

— Сейчас — да.

— То есть либо ты ошибся, либо здесь страннее, чем просто авария.

— Вот именно.

— Тогда тем более нужен кто-то, кто увидит это изнутри.

— Нет.

— Я не договорила.

— Я заранее против продолжения.

Она наклонилась ближе.

— Я поставлю на дронов отдельные регистраторы. Механические. Без общей сети. Если что-то начнёт происходить, у нас останутся данные.

— Если что-то начнёт происходить, ты развернёшься и уйдёшь.

— Я не пилот.

— Тогда заставишь пилота.

— Конечно. Семнадцатилетний стажёр особенно убедителен, когда кричит на рейсового командира.

— Ты умеешь.

— Это правда.

Мирон положил ладонь на стол.

Дерево было пластиковым, под ним шёл стальной каркас. Никакого долга. Никакой дрожи. Простая вещь, которая пока никому ничего не должна.

Он хотел такой же простоты для сестры.

Не получалось.

— Откажись, — сказал он тихо.

Евдокия посмотрела на него долго.

— Ты когда-нибудь отказывался от работы, потому что я просила?

Мирон вспомнил две аварии в северном секторе, ночной выезд на обвалившийся эстакадный мост, пожар на аккумуляторной ферме и день, когда Евдокия сидела у него в мастерской до трёх ночи, потому что он не успел прийти домой на её день рождения.

— Это нечестный вопрос.

— Он очень честный.

— Я старше.

— На четыре года.

— Существенные четыре года.

— Мирон.

Он отвёл глаза.

— Ладно. Тогда условия.

Евдокия сразу насторожилась.

— Какие?

— Первое: держишь дронов отдельно от сети машины. Второе: перед каждой остановкой присылаешь мне лог. Третье: если увидишь белые помехи, слышишь звон или время на приборах начинает расходиться хотя бы на секунду, не споришь ни с кем. Просишь остановку и эвакуацию.

— Белые помехи?

— Разломные признаки.

— На Уральском коридоре нет активных разломов.

— Это четвёртое условие. Не произноси фразу “там нет разломов”, пока едешь через место, где что-то заранее умерло.

Евдокия протянула руку через стол.

— Договорились.

Мирон пожал её.

И в этот момент дрон на столе вздрогнул.

Совсем чуть-чуть.

Мирон почувствовал лёгкий укол в ладони.

Долг.

Он схватил машинку и перевернул.

— Эй!

— Тихо.

Под нижней панелью было чисто. Ни трещины, ни перегрева.

— Ты опять это? — спросила Евдокия.

— Да.

— И что он должен?

Мирон прислушался к ощущению.

Обычно долг предмета имел направление. Скоба хотела лопнуть. Провод хотел перегреться. Подшипник хотел закусить вал.

У дрона долг уходил наружу.

Как нитка, натянутая куда-то за стену столовой.

Туда, где стоял «Торос».

Мирон положил дрон обратно.

— Ничего хорошего.

Евдокия не шутила.

— Я могу отказаться.

Он посмотрел на неё.

Ещё пять минут назад именно этого и хотел.

Теперь было поздно.

Не для рейса. Для вопроса.

Если она останется, «Торос» всё равно уйдёт. Запись исчезнет. Машина погибнет через три дня, если Мирон правильно понял то, чего понимать не должен был.

А если Евдокия поедет, у него хотя бы будут глаза внутри.

Ему не понравилось, как быстро страх научился притворяться логикой.

— Нет, — сказал он. — Езжай.

— Что?

— И теперь я официально ненавижу собственные решения.

Евдокия прищурилась. «Ты сейчас меня отпустил?»

— Не привыкай.

Она встала, обошла стол и коротко обняла его.

Мирон успел только положить ладонь ей на спину.

И ничего не почувствовал.

Ни долга. Ни трещины. Ни будущей боли.
Это должно было успокоить.
Почему-то не успокоило.

Глава 4. Рейс К-214

ТР-41 вышел из Перми в шесть сорок две утра двенадцатого августа.

На две минуты позже графика.

Мирон стоял за ограждением грузового шлюза и ненавидел эти две минуты, потому что они давали надежду. Пока кольца стабилизаторов не поднялись, пока опоры ещё касались бетона, пока команда шлюза спорила с диспетчером, можно было представить, что кто-то сейчас скажет правильную фразу и всё отменят.

Никто не сказал.

«Торос» поднялся.

Не в смысле полёта. Ходоки не летали и никогда не пытались делать вид, что умеют. Машина выпрямила шесть опор, перенесла массу вперёд и шагнула в транспортный коридор. Каждый шаг отдавался в груди низким ударом.

За ним пошли ещё четыре машины каравана: два тяжёлых грузовика, санитарный модуль и полевая мастерская.

На борту первой машины была Евдокия.

Мирон видел её только на экране браслета.

Она прислала сообщение за минуту до старта.

— Не звони. Командир нервный. У меня всё подключено. Регистрирую отдельно.

Следом пришла фотография.

Евдокия сидела между двумя сложенными дронами, в огромном страховочном жилете. На заднем плане мужчина лет сорока показывал в камеру два пальца. Наверное, тот самый Роман Глебович, который теперь уважал кожу.

Мирон написал:

— Если хоть один датчик врёт, сходишь на ближайшем узле.

Ответ пришёл сразу.

— Если хоть один датчик врёт, я сначала выясню почему.

Он набрал: «Дуня».

Три точки долго мигали.

— Ладно. Сойду.

Врала ли она, Мирон не знал.

Он тоже научил её не всему хорошему.

Караван прошёл защитные ворота. Воздух на секунду побелел вокруг полевых колец, потом пространство стабилизировалось. Пять машин вытянулись вдоль рельефной трассы, уходящей на восток.

Мирон смотрел, пока последняя не скрылась за складскими башнями.

— Героический вид, — сказал рядом Костя. — Особенно куртка.

Мирон посмотрел на себя.

Он пришёл прямо из ночной мастерской. Куртка была в масле, левый рукав прожжён, на шее остался след от защитного ремня.

— Спасибо.

— Всегда пожалуйста.

Костя протянул ему бумажный стакан.

— Кофе.

— Это точно?

— Нет. Но горячее.

Мирон взял.

Они молчали почти минуту.

— Ты тоже чувствуешь себя идиотом? — спросил Костя.
— Постоянно. Сейчас сильнее.
— Я про запись.
— Я тоже.
— Если ничего не случится, нас запомнят как двух дебилов, которые увидели баг и остановили полпремзоны.
— Мы не остановили.
— Тем более обидно.
Мирон отпил кофе.
Он оказался солёным.
Мирон посмотрел на стакан.
— Ты где это взял?
— Автомат у шлюза.
— Он сломан.
— Нет. Это новый вкус.
— Соль?
— Уральский раф.
Мирон вылил кофе в утилизатор.
Костя задумчиво посмотрел вслед.
— Я бы допил.
— Ты причина, по которой на оборудовании пишут предупреждения.
Они вернулись в ангар.
Без «Тороса» шестой бокс казался слишком большим. На полу остались свежие следы опор, круглые вмятины в защитном покрытии. Сервисные шланги свернули. Лестницы отогнали к стене.
Мирон подошёл к месту, где стояло левое колено.
Положил ладонь на бетон.
Почти ничего.
В глубине пола была тонкая дрожь, но это мог быть соседний стенд.
Он присел.
— Опять? — спросил Костя.
— Тихо.
Мирон закрыл глаза.
Он никогда не считал своё чутьё чем-то мистическим. Мистика была для разломных проповедников и тех людей, которые продавали амулеты от разломного эха на вокзалах. Его чувство всегда цеплялось за материальное: металл, бетон, провод, кость.
А сейчас он ощущал след машины, которой уже не было в ангаре.
Не отпечаток веса, а связь.
Тонкую, натянутую через пол, трассу, городскую стену и дальше на восток.
Мирон встал.
— Кость, у тебя есть доступ к телеметрии рейса?
— У меня нет. У тебя тоже нет. Нам вчера это объяснили люди с очень серьёзными лицами.
— Через сервисный монитор.
— Это называется «обход допуска»
— Через публичный монитор.
— Это называется «скучно»
Они поднялись в диспетчерскую галерею.

На большой стене висела карта Уральского коридора. Жёлтые точки обозначали гражданские колонны, синие военные, белые ремонтные. ТР-41 шёл в составе каравана К-214. Маршрут был простой: Пермь, Кунгурский узел, северный обход Екатеринбурга, затем южнее к защищённым степным линиям.

Вокруг крупных разломов трасса изгибалась широкими дугами.

На карте эти зоны выглядели как серые пятна.

На деле рядом с ними воздух мог забыть, как распространяется звук, вода могла течь вверх по стене, а человек мог выйти из тумана на полчаса старше своих сапог. Поэтому серые пятна обходили.

ТР-41 шёл далеко от ближайшего.

— Вот, — сказал Костя. — Живой. Счастливый. Обидно здоровый.

Мирон смотрел на точку.

— Сколько до события?

— Ты про ту дату?

— Да.

Костя сверился.

— Сорок шесть часов с копейками.

Мирон кивнул.

Он ожидал, что станет легче, когда машина уйдёт. Не стало.

День прошёл плохо и медленно.

Его действительно заставили писать объяснительную. Потом ещё одну, потому что в первой он употребил фразу «система показала будущее событие», а юрист попросил заменить её на «неидентифицированная запись с некорректной временной меткой».

Мирон заменил.

Смысл от этого не поправился.

В пятнадцать десять Евдокия прислала первый пакет.

Тридцать два графика, три видеозаписи, системный лог дронов и фотографию пачки печенья.

Под фотографией было написано:

— На случай если тебя интересует реально важное.

Мирон открыл данные.

Всё было нормально.

Слишком нормально.

Полевое кольцо держало форму. Опоры работали синхронно. Вибрация на Л-2 не выходила за фон. Время всех автономных регистраторов совпадало до тысячной доли секунды.

Он проверил три раза.

В девятнадцать сорок пришёл второй пакет.

Норма.

В двадцать три ноль пять Евдокия позвонила сама.

Мирон ответил до первого сигнала: «Что?»

На экране появилось её лицо. За спиной мигал тёплый аварийный свет, но она выглядела спокойной.

— Ничего. Ты просил связь.

— Почему свет аварийный?

— Ночной режим.

— У вас ночной режим красный?

— Чтобы люди не слепли после мониторов.

Мирон всмотрелся.

— Где вы?

— После Кунгура. Стоим на техническом окне.

— Почему остановка?

— Третий грузовик меняет фильтр.

«ТР-41?»

— Чисто.

Она повернула камеру.

Внутренний отсек ходока был тесным и шумным. Между стойками стояли её дроны. Один ползал по стене на магнитных лапах. Роман Глебович спал, привязав себя ремнём к креслу.

— Видишь? — спросила Евдокия.

— Вижу человека, который доверил жизнь ремню из столовой.

— Он сертифицирован.

— Человек?

— Ремень.

Она усмехнулась.

Мирон хотел сказать ей, чтобы вернулась.

Не сказал. «Белых помех нет?»

— Нет.

— Звона?

— Только командир храпит.

— Время?

— Сходится.

— Ладно.

Евдокия помолчала. «Ты спал?»

— Конечно.

— Сколько?

— Много.

— Мирон.

— Двадцать минут.

— Иди домой.

— Я дома.

Она посмотрела на фон ангара за ним.

— Ты очень плохо врёшь.

— Семейное.

Евдокия вздохнула. «До завтра».

Мирон не любил эту фразу. Слишком легко люди говорили её, будто завтра было обязанностью мира.

— До связи.

Она кивнула и отключилась.

Второй день был хуже первого.

Караван ушёл дальше на восток. Мирон вернулся к обычной работе, только обычной она больше не была. Любой скрип заставлял его оборачиваться. Любая задержка телеметрии казалась началом.

Клин дважды проходил через ангар и оба раза ничего не сказал.

Бурова один раз сунула Мирону в руку таблетку от головной боли.

— Я не просил.

— Я тоже не просила тебя родиться с лицом человека, который сейчас свалится на станок.

— Это наследственное.

— Тогда сестре тоже передай.

К вечеру тринадцатого августа до указанного времени оставалось меньше десяти часов.
Евдокия прислала третий пакет.
Мирон открыл его прямо на ходу.
Данные были чистыми.
В самом конце лога автономного дрона номер четыре стояла одна странная строка.
05:42:17.
Мирон остановился.
Системное время было 20:11.
Он открыл запись полностью.
Внутренний таймер дрона на долю секунды перескочил на утро следующего дня, ровно на то время, которое он видел в исчезнувшем журнале. Потом вернулся обратно.
Больше ничего.
Мирон набрал Евдокию.
Связи не было.
Он набрал снова.
— Абонент находится вне устойчивого поля связи.
На карте караван двигался.
Жёлтые точки шли вдоль коридора.
Мирон увеличил участок.
К-214 приближался к узлу К-317.
Он знал карту почти наизусть. К-317 был старым техническим ответвлением, построенным ещё до Белого Звона и позднее включённым в защищённый маршрут. Ничего интересного. Пара сервисных башен, метеостанция, резервный полевой генератор.
Серых пятен рядом не было.
Мирон нашёл Бурову.
— Нужно остановить караван.
Она увидела его лицо и не стала спрашивать, шутит ли он.
— Почему?
Он показал лог.
Бурова прочитала строку.
— Одна ошибка таймера.
— Совпадает до секунды.
— Чёрт.
Она вызвала диспетчера.
Ответ пришёл через двадцать секунд.
Караван не выходил на прямую связь.
Через минуту к ним подошёл Клин.
— Что случилось?
Бурова передала ему данные.
Он прочитал и сразу изменился. Не испугался. Стал быстрее.
— Запросите полевой маяк.
Диспетчер отправил команду.
На карте одна из пяти жёлтых точек мигнула.
Потом вторая.
Потом все пять разом стали белыми.
— Это что? — спросил Костя.
Никто не ответил.
Белый цвет означал, что координаты подтверждены, но классификация источника потеряна.

Такое случалось рядом с разломами.
Но рядом с К-317 разломов не было.
— Есть ответ от метеостанции, — сказал диспетчер.
На центральный экран вывели телеметрию.
Температура воздуха: плюс девять.
Давление: норма.
Полевой шум: норма.
Гравитация: норма.
Пространственная связность: норма.
Караван: нет данных.
Мирон смотрел на пять белых точек.
Они двигались ещё десять секунд.
Потом остановились.
Одна за другой исчезли.
Не погасли красным.
Не сменились на серый аварийный статус.
Просто исчезли с карты.
— Запрос по резервным маякам, — сказал Клин.
— Нет ответа.
— Орбитальный обзор.
— В работе.
— Военный канал.
— Запрос отправлен.
Мирон набирал Евдокию снова и снова.
Ни гудка.
Через четыре минуты пришёл спутниковый снимок.
На дороге у К-317 не было ничего.
Пять машин общей массой больше девяти тысяч тонн исчезли с открытого участка трассы.
Не осталось следов взрыва.
Не осталось воронки.
Не осталось даже нарушения дорожного покрытия.
Клин приблизил изображение.
— Время снимка?
— Двадцать ноль девять.
— Последняя телеметрия?
— Двадцать двенадцать.
Клин посмотрел на диспетчера.
— Получается, снимок сделан до исчезновения.
— Да.
— И каравана на нём уже нет.
— Да.
В диспетчерской стало тихо.
Мирон перестал звонить.
Он смотрел на пустой участок дороги.
В голове всплыла строка, которую система показала ему двое суток назад.
СОБЫТИЕ УЧТЕНО.
До 05:42 оставалось девять часов тридцать минут.
— Они ещё не погибли, — сказал Мирон.

Клин повернулся к нему.

— Что?

— В записи гибель машины стоит утром. А они исчезли сейчас.

— Если записи вообще можно верить.

— Можно.

— Почему?

Мирон сам не знал.

Он спустился в ангар.

Бурова крикнула вслед, но он не остановился.

Шестой бокс был пуст. На месте «Тороса» лежали только кабели и круги от опор.

Мирон подошёл к левому следу.

Присел.

Положил обе ладони на бетон.

Щелчок ударил так сильно, что он зашипел.

Пол был цел.

Но под ним, глубоко, где бетон переходил в старый фундамент, шёл долг.

Он тянулся на восток.

Теперь это была не нитка.

Канат.

Мирон закрыл глаза.

На один короткий миг он почувствовал чужой металл, холодный воздух, тысячи одновременно открывающихся трещин и огромную пустоту вокруг.

А ещё услышал звон.

Тихий, белый, без источника.

Потом чужой голос сказал совсем рядом: «Не опоздай второй раз».

Мирон открыл глаза.

Перед ним был пустой ангар.

На браслете мигнуло новое сообщение.

Отправитель: Е. Ермакова.

Время отправки: 14.08.2249, 05:42:17.

Сообщение состояло из двух слов.

— Мы прибыли.

Глава 5. След под бетоном

Мирон не помнил, как оказался у ворот аварийного парка.

Позже он восстановил путь по мелочам. Клин кричал ему вслед. Бурова пыталась перехватить браслет. Кто-то вызвал охрану. Мирон сунул под сканер чужой пропуск, дождался красной рамки, выругался, полез через сервисный шлюз и едва не получил дверь по плечу.

Главное он помнил хорошо.

Под подошвами тянулся долг.

Не метафора. Не дурное предчувствие. Тот самый тугой внутренний звон, который возникал рядом с усталой деталью, только теперь источником был не подшипник и не рама. Само место, где стоял «Торос», ощущалось так, будто бетон однажды уже провалился и пока лишь не успел об этом узнать.

Сообщение Евдокии висело на браслете.

— Мы прибыли.

Время отправки наступит через девять часов.

Мирон открыл карту служебного транспорта.

Почти все машины аварийной службы были подняты по тревоге. Два тягача уходили на восточную развязку, три ремонтных платформы уже стояли у военных ворот. Свободным значился только старый гусеничный «Крот», которым зимой вытаскивали транспорт из снежных карманов.

Его давно собирались списать.

Поэтому ключ от него по-прежнему лежал там, где лежал последние четыре года.

Под пыльным термокожухом у левого борта.

— Ермаков.

Мирон замер.

На другом конце бокса стоял Костя Белкин. Без куртки, с разводным ключом в руке и таким выражением лица, будто заранее устал от ответа.

— Ты сейчас что делаешь?

— Вору государственное имущество.

— Это я вижу. Зачем?

— Потому что сестра прислала мне сообщение из будущего.

Костя помолчал. «Очень хорошо. Я боялся, что причина окажется глупой».

Мирон сорвал чехол с кабины.

— Скажешь охране, что не успел.

— А если успел?

— Тогда соври.

Костя подошёл ближе.

— Ты знаешь, где они?

— Нет.

— Что будешь делать?

— Поеду туда, где они исчезли.

— Это звучит не как план.

— У меня ночь была тяжёлая.

Костя бросил ключ на сиденье.

— Я с тобой.

— Нет, потому что кто-то должен потом очень убедительно сказать, что я идиот.

— Я могу делать это в дороге.

Мирон посмотрел на него.

Костя не улыбался.

— Если там то, что я думаю, ты мне ничем не поможешь.

— А ты знаешь, что там?

— Нет.

— Тогда особенно убедительно.

Из дальнего коридора донёсся топот.

Охрана.

Мирон завёл «Крота».

Дизельный генератор кашлянул, выплюнул облако серого дыма и, к общему удивлению, решил жить.

Костя ударил ладонью по борту.

— Верни машину.

— Постараюсь.

— Я серьёзно. Она на мне числится.

Мирон выехал через ремонтные ворота за секунду до того, как поперёк проезда опустили блокиратор.

Пермь ночью была почти бесцветной. Купола стабилизаторов над промышленными районами держали низкое серое небо, по рельсовым магистралям ползли грузовые платформы, на горизонте мигали красные сигналы полевых башен.

За городской чертой начинался коридор.

Там свет был другим.

Белые линии дорожных маяков стояли через каждые пятьдесят метров. За ними начинался лес, куда не ходили без разрешения. На старых берёзах висели металлические ленты, оставленные ещё после Белого Звона. В безветренную ночь они иногда звенели сами.

Мирон гнал «Крота» быстрее, чем позволяла инструкция.

На браслете одна за другой появлялись команды остановиться.

Он отключил связь.

Через сорок минут навигатор сообщил, что до точки исчезновения осталось три километра.

Через минуту расстояние стало четыре.

Мирон снизил скорость.

На экране мигнули координаты.

Три и восемь.

Четыре и два.

Три и один.

Пять.

«Крот» ехал по прямой.

Дорога тоже была прямой.

Только расстояние не соглашалось.

Мирон остановился.

Вышел.

Холод сразу пролез под комбинезон.

Вокруг стояла обычная августовская ночь. Сырой асфальт. Лес. Белые дорожные лампы. Ни воронки, ни обломков, ни следов многотонного каравана.

Он присел и положил ладонь на асфальт.

Ничего.

Сделал шаг.

Ещё.

На пятнадцатом метре по пальцам ударило.

Мирон резко втянул воздух.
Долг уходил не вперёд.
Вниз.
Он опустился на колено.
Коснулся дороги второй рукой.
Мир вокруг стал тонким.
Не прозрачным. Именно тонким, словно всё, что он видел, было нарисовано на поверхности чего-то гораздо более глубокого.

Под дорогой двигался караван.

Мирон не видел его глазами. Он чувствовал массу, вибрацию, усталость металла. Пять машин шли где-то совсем рядом и одновременно невероятно далеко.

— Дуня.

Ответом стал звон.

Белый, чистый, без высоты.

Асфальт перед Мироном дрогнул.

Воздух собрался в вертикальную складку.

Внутри на долю секунды показался свет фар.

Мирон вскочил.

— Эй!

Складка закрылась.

Он ударил по ней ладонью.

И понял, что она сломана.

Не сейчас, а раньше.

Дорога держала на себе повреждение, которое по какой-то причине не происходило. Как треснувшая рама держит груз последний километр, потому что никто ещё не сказал ей, что можно упасть.

Мирон сделал то, что всегда делал с механизмами.

Нашёл долг.

Нашёл место, куда его можно сдвинуть.

И потянул.

Боль пришла без предупреждения.

По правой руке прошёл ледяной разряд. Кожа от запястья до локтя побелела, будто из неё выжали кровь. Под ней проступила тонкая линия.

Трещина.

Мирон закричал.

Воздух раскрылся.

Перед ним на мгновение появилась другая дорога.

Та же трасса, но в сером дневном свете. По ней шёл караван.

«Торос» был последним.

На его внешней платформе стояла Евдокия.

Старше.

Мирон успел увидеть только лицо.

Не семнадцатилетнее. Взрослое. С тонкой полосой седины над виском.

Она повернула голову прямо к нему.

И сказала: «Не трогай стену».

Мирон отпустил.

Складка захлопнулась.

Его отбросило на асфальт.

Белая трещина на руке стала шире.

Из леса донёсся металлический звон.
Потом второй.
Потом сразу десятки.
Все старые ленты на деревьях зазвенели одновременно.
Мирон поднялся на колени.
На дороге перед ним появилась тонкая белая линия.
Она уходила поперёк коридора в лес.
И там, где проходила, листья лежали не на земле.
Они висели в воздухе.
Совершенно неподвижно.

* * *

Через пятнадцать километров дорога впервые изменилась.
Не внешне. «Крот» проехал мимо одного и того же контрольного столба дважды.
Мирон остановился, вышел и провёл пальцем по цифре 308. На белой краске была царапина в форме полумесяца.
Он вернулся в кабину, проехал ещё километр.
Столб 308 снова стоял справа.
Та же царапина.
— Нет.
Мирон развернул «Крота» на обочину и пошёл пешком. Через двадцать метров увидел собственные следы впереди себя, хотя там ещё не был.
Он присел. Отпечаток левой подошвы был глубже правого. Так всегда. Старая травма колена после падения с учебного манипулятора.
Свои.
Мирон наступил точно в отпечаток.
В зубах щёлкнуло.
Долг дороги стал сильнее.
Навигация ломалась не потому, что пространство двигалось. Дорога повторяла уже пройденное состояние, как повреждённая шестерня, которая всё время перескакивает на один зуб назад.
Он достал из кабины баллон ремонтной краски и оставил на асфальте огромную стрелу.
НЕ ВЕРЬ КИЛОМЕТРАМ.
Ниже подумал и добавил:
КЛИН, ЭТО ВАМ.
После этого ехал медленнее. Смотрел не на номера столбов, а на долг под ними.

Глава 6. Белая трещина

Когда аварийная группа нашла Мирона, он сидел у обочины и спорил со своей рукой. Рука проигрывала.

— Я сказал, двигайся.

Пальцы правой кисти дрогнули.

— Ещё раз.

Указательный согнулся.

Остальные решили не участвовать.

— Потрясающе.

— Отойдите от аномальной границы!

Мирон поднял голову.

К нему бежали трое в полевых костюмах. За ними стоял броневик Пояса, подсвечивая трассу голубыми прожекторами.

Первой добралась Бурова.

Она схватила Мирона за ворот и одним движением оттащила на несколько метров.

— Ты совсем больной?

— Пока только справа.

Она увидела руку.

Мат исчез у неё с лица раньше, чем успел появиться.

— Медика!

— Не надо.

— Заткнись.

— Это не ожог.

— Очень своевременное наблюдение.

Кожа от запястья до локтя была испещрена белыми линиями. Они не кровили. Не болели, если Мирон не двигался. При попытке согнуть руку внутри будто пересыпали битое стекло.

Медик провёл сканером.

— Температура ниже нормы на шесть градусов. Кровоток сохранён. Кость целая. Мышца...

Он замолчал.

— Что мышца? — спросила Бурова.

— Не знаю.

— Ты врач.

— Именно поэтому говорю, что не знаю.

По трассе уже натягивали ограничительную ленту. Полевые инженеры запускали датчики. Там, где Мирон видел белую линию, приборы показывали обычный воздух.

Листья по-прежнему висели над лесной подстилкой.

Один техник подошёл слишком близко и бросил внутрь гайку.

Гайка исчезла.

Через три секунды она упала ему на плечо сзади.

Техник сел.

— Где моя машина? — спросил Мирон.

Бурова показала в сторону.

— Твой угнанный музейный экспонат стоит в канаве. Ты ему погнул левый трак.

— Вернуть всё-таки смогу.

— Если Костя тебя раньше не убьёт.

Мирон посмотрел на белую границу.

— Они там.
Бурова перестала ругаться.
— Ты видел караван?
— На секунду.
— Евдокию?
— Да.
— Жива?
Мирон ответил не сразу: «Была».
— Что значит была?
— Она выглядела лет на тридцать пять.
Бурова медленно выдохнула.
— Ей семнадцать.
— Я в курсе. Я присутствовал почти на всех днях рождения.
— Ты ударился головой?
— Тоже возможно.
Они смотрели друг на друга.
Потом Мирон протянул ей браслет.
На экране всё ещё висело сообщение Евдокии.
Дата отправки: 14.08.2249.
Время: 05:42:17.
Бурова прочитала.
Попросила медика прочитать.
Потом позвала связиста.
Связист долго проверял подписи пакета, серверные метки, маршрут доставки.
— Сообщение настоящее.
— Не может быть.
— Подпись настоящая.
— Время?
— Система говорит, пакет зарегистрирован сегодня утром.
Мирон посмотрел на часы.
До указанного времени оставалось восемь часов.
— Как он зарегистрирован утром, если утро ещё не наступило? — спросила Бурова.
Связист снял шлем.
— Я могу предложить два ответа. Один плохой. Второй очень плохой.
— Начни с плохого.
— У нас сломалось время.
— А очень плохой?
— Оно не сломалось.
К рассвету трассу перекрыли военные.
Мирона увезли в Пермь в изолированном медицинском отсеке. Руку поместили в стабилизирующую шину. Белые трещины не распространялись, но и не исчезали.
В госпитале его ждали не врачи.
В комнате допросов сидели трое.
Полковник Клин.
Женщина из Контурного надзора, представившаяся Ингой Рудневой.
И мужчина лет тридцати в безупречно чистом сером костюме, который в ремонтном районе выглядел почти вызывающе.
Мирон узнал его сразу.
Арсений Воронцов.

Лицо технического рода, чьи эмблемы стояли на каждом третьем стабилизаторе Пояса. Воронцов встал.

— Мирон Сергеевич.

— Не знал, что кража списанного тягача настолько заинтересует столицу.

— Тягач заинтересовал бухгалтерию. Меня заинтересовали вы.

Руднева положила на стол снимок руки.

— Что вы сделали на трассе?

— Потрогал воздух.

— После этого появилась травма.

— Да.

— Каким Контуром вы владеете?

— Никаким.

— Вы зарегистрированы как человек без Отклика.

— Удобно, правда?

Она не улыбнулась. «Повторю вопрос».

— Повторю ответ.

Клин потер переносицу.

— Ермаков, не усложняй.

— Я не усложняю. Я механик.

Воронцов сел напротив.

— Механик, который заранее обнаружил отказ машины.

— Вы уже видели журнал.

— Да.

— Тогда объясните мне его.

— Пока не могу.

— Очень успокаивает.

— Но могу объяснить другое. В Уральском коридоре появился разлом нового типа. Он не фиксируется стандартными полевыми датчиками. Вы его обнаружили.

— Я обнаружил сестру.

— Возможно.

— Не возможно.

Воронцов чуть наклонил голову.

— Вы хотите туда вернуться.

Это не было вопросом.

— Да.

— Тогда у вас есть две возможности. Первая: провести следующие несколько месяцев под наблюдением Контурного надзора. Вторая: принять участие в официальной поисковой экспедиции.

Руднева резко повернулась к нему.

— Это не согласовано.

— Будет.

— Вы не можете...

— Могу.

Голос у Воронцова не стал громче.

От этого ответ прозвучал хуже.

Мирон посмотрел на полковника.

Клин отвёл глаза.

— Что за экспедиция?

— Малый ходок. Четыре носителя Контуров. Научная группа. Военное сопровождение.

— Куда?

— Туда, где вы видели караван.

— Когда?

— Через шесть дней.

— Поздно.

— Почему?

Мирон поднял браслет.

— Потому что через семь часов моя сестра прибывает куда-то, где ей уже тридцать пять.

Воронцов впервые посмотрел не на Мирона, а на время сообщения.

— Вы думаете, что событие произойдёт в нашем будущем.

— Не думаю. Оно так написано.

— А если вы ошибаетесь?

— Тогда мы потеряем шесть дней. Если ошибаетесь вы, она потеряет ещё сколько?

Никто не ответил.

В 05:42:17 браслет Мирона завибрировал.

Новое сообщение.

От Евдокии.

На этот раз без текста.

Только фотография.

На ней Евдокия стояла перед огромным ржавым заводским корпусом.

На стене за ней сохранилась вывеска:

НИЖНИЙ ТАГИЛ. ЦЕХ № 4.

Город исчез двенадцать лет назад.

Глава 7. «Снегирь»

Шесть дней Мирон провёл в учреждении, которое официально называлось Центром медицинской оценки Контурных рисков, а неофициально имело три названия, ни одно из которых не нравилось сотрудникам.

Его кололи, сканировали, охлаждали, нагревали, просили трогать сломанные часы, целые часы, сломанный стул, исправный стул и один раз живую крысу.

Крыса укусила его.

— Результат? — спросил Мирон, зажимая палец.

Руднева сделала пометку.

— У крысы отличный Отклик.

— Я польщён.

На шестое утро его выпустили.

Не на свободу, а в ангар номер девять.

«Снегирь» стоял в монтажной шахте, подвешенный на четырёх удерживающих фермах.

Мирон остановился у входа.

Первое впечатление было простым.

Он маленький.

По меркам боевых ходоков, конечно.

Двадцать два метра от пят до верхней кромки сенсорной башни. Узкий корпус. Две основные ноги и пара складывающихся опор на спине. Длинные руки с универсальными монтажными захватами. Вместо тяжёлой брони на груди стояли кольца полевого стабилизатора.

Машина была выкрашена в тёмно-серый. Только на левой груди кто-то нарисовал маленькую красную птицу.

— Не трогать.

Мирон убрал руку, которую ещё не успел поднять.

Снизу к нему подошла женщина в пилотном костюме.

Невысокая. Светлые волосы собраны в тугий узел. Лицо спокойное до неприятного.

— Я ничего не трогаю.

— Вы смотрите как механик.

— Это преступление?

— Смотря что после этого ломается.

Мирон оглядел её форму.

На плече значилось: А. МОРОЗОВА.

— Аглая?

— Капитан Морозова.

— Мирон Ермаков.

— Я читала дело.

— Сочувствую.

Она посмотрела на белую шину на его руке.

— Это не Контур.

— Вы уже вторая, кто говорит мне это как обвинение.

— Контурные подчиняются правилам.

— Моя рука тоже. Например, если по ней ударить, я ругаюсь.

Аглая прошла мимо.

— В экспедиции вы механик. Не носитель. Не боец. Не исследователь. Любое применение вашей аномалии без моего приказа запрещено.

— Как запретить то, чего не существует?

Она остановилась.

— Очень легко. Вы просто ничего не делаете.

— Теперь ясно.

— Мне сказали, вы иронизируете, когда нервничаете.

— Врут. Я иронизирую постоянно.

С верхней галереи донёлся женский голос:

— Морозова, ты опять знакомишься с людьми так, будто выдаёшь им приговор?

По лестнице спускалась девушка в длинной серой куртке поверх полевой формы. Чёрные волосы были собраны кое-как, за ухом торчал бумажный карандаш, на шее висело шесть дешёвых диктофонов.

Она протянула Мирону руку.

— Лада Чернова. Исследовательница религий, суеверий, ритуальных ошибок и плохо сформулированных молитв.

— Есть хорошо сформулированные?

— Конечно. Их просто никто не читает.

Аглая вздохнула. «Лада».

— Молчу.

— Ты никогда не молчишь.

— Это медицинское.

Мирон пожал руку Ладе.

В тот же момент почувствовал странность.

Не долг, а пустоту вокруг нескольких слов.

Будто в её голосе были места, которых уже не существовало.

Лада заметила его взгляд.

— Что?

— Ничего.

— Отлично. Значит, заметил.

Со стороны тренировочного сектора раздался удар.

Пол дрогнул.

Мирон повернулся.

На татами в дальнем углу стоял высокий мужчина в лёгкой защитной броне. В руке он держал тренировочное копьё. Напротив него лежал автоматический манекен, пробитый насквозь.

Проблема была в том, что копьё его не касалось.

Острие остановилось в полуметре от корпуса.

Манекен всё равно треснул.

Мужчина выдернул копьё из воздуха.

Трещина в пластике закрылась не полностью, но движение разрушения прекратилось.

— Тамир Бат-Эрдэнэ, — сказала Аглая. — Охрана экипажа.

— Он всегда так здоровается?

— Только если человек раздражает его.

— Я ещё ничего не сделал.

Лада усмехнулась. «Тогда у вас впереди прекрасное знакомство».

Тамир подошёл.

Лицо у него было широкое, спокойное. Волосы коротко стрижены. На правой ладони проходил старый шрам.

Он посмотрел на Мирона.

— Механик.

— Боец.

— Ты вошёл в разлом один.

— Недалеко.

— И вернулся.

— Частично.

Тамир посмотрел на руку.

— Цена?

— Пока неизвестна.

— Тогда цена выше, чем ты думаешь.

Он развернулся.

Мирон проводил его взглядом.

— Он всегда разговаривает пословицами?

— Нет, — сказала Лада. — Иногда молчит угрожающе.

Аглая поднялась на нижнюю платформу «Снегиря».

— Через двадцать минут синхронизация экипажа. Ермаков, в машинный отсек. Чернова, на связку речи. Бат-Эрдэнэ, внешняя страховка.

— А кто четвёртый носитель? — спросил Мирон.

Аглая посмотрела вниз.

«Я».

Она положила ладонь на боковой поручень.

На секунду всё вокруг неё остановилось.

Не замерло в переносном смысле.

Пыль в воздухе перестала падать.

Свободный ремень, качавшийся на ферме, застыл под углом.

Капля воды у дренажной трубы повисла шариком.

Потом мир продолжил движение.

Аглая поднялась выше.

— Нулевая инерция.

Лада тихо сказала: «Она очень не любит объяснять эффектно. Приходится делать это за неё».

Мирон смотрел на машину.

Под обычным шумом ангара он чувствовал её.

«Снегирь» был исправен.

Почти.

В глубине корпуса что-то ждало поломки.

И почему-то боялось её заранее.

* * *

Перед синхронизацией Аглая заставила Мирона пройти «Снегиря» снизу вверх.

— Зачем?

— Механик должен знать машину.

— Наконец-то разумный приказ.

Они начали с ног.

Магнитные опоры, гидравлика, аварийные демпферы. Мирон задавал вопросы быстрее, чем Аглая отвечала. На третьем узле он нашёл нестандартную сварку.

— Кто делал?

— Опытный цех.

— Какой?

— Пермский восьмой.

— Плохой шов.

— Он прошёл контроль.

— Контроль видел поверхность.

Мирон подсветил край. Под наплавкой металл был перегрет.

Аглая вызвала техника.

Через десять минут скан подтвердил скрытую хрупкость.

— Ты почувствовал? — спросила она, когда техник ушёл.

— Увидел.

— Врёшь.

— Уже лучше меня читаешь.

— Это не сложно.

Выше они встретили Тамира. Он проводил собственный осмотр, но вместо приборов прикладывал к сочленениям древко копья.

Мирон остановился.

— Это что?

— Слушаю.

— Копьём?

— Ты ладонью.

— Справедливо.

Тамир объяснил: дерево древка было выращено в разломе, где материал запоминал направление нагрузки. Через вибрацию он чувствовал, как движение хочет продолжиться.

— Получается, ты тоже механик.

— Нет.

— Отрицание первая стадия.

Тамир ушёл.

Аглая сказала: «Не раздражай его перед экспедицией».

— Почему?

— Он будет спать через стену.

— Угроза бытовая, понял.

В связном отсеке Лада раскладывала бумажные карточки. На каждой одно слово.

— Зачем бумага?

— Цифровой текст слишком легко исправить. Мне важно помнить, что я написала раньше.

Она показала карточку:

ДРУГ.

Под словом было: человек, которому можно показать неприятную версию себя и не ждать немедленного наказания.

— Сложно.

— У тебя проще?

— Человек, который поможет спрятать угнанный тягач.

Лада записала ниже:

Вариант Мирона: соучастник.

Аглая попыталась забрать карточку. Лада не дала.

К концу обхода Мирон знал, где у «Снегиря» каждый аварийный люк, где хранится ручной инструмент и почему в машинном отсеке есть чайная полка.

— Кто придумал?

Аглая ответила: «Я».

Мирон посмотрел с уважением.

— Капитан, возможно, мы поладим.

— Не торопись.

Глава 8. Люди в одной машине

Синхронизация экипажа оказалась хуже медицинского обследования.

Там хотя бы крыса была честной.

Мирона уложили в техническое кресло между двумя блоками распределения, подключили к запястьям датчики и надели на голову полевой обруч.

— Я механик, — напомнил он.

— Мы слышали, — сказала Аглая по внутренней связи.

— Зачем механику нейрообруч?

— Чтобы машина знала, где у неё механик.

— Она обычно теряет?

— Пока нет.

Лада подключалась рядом. У неё на панели висела полоска бумаги с надписью от руки: НЕ ГОВОРИТЬ «АВАРИЯ» БЕЗ НЕОБХОДИМОСТИ.

Мирон кивнул на неё. «Почему?»

— Моё слово иногда становится слишком буквальным.

— Это шутка?

— К сожалению, нет.

— А какие ещё слова нельзя?

— Падать. Гореть. Ломаться. Взрыв. Стоп.

Мирон посмотрел на список.

— У вас работа довольно ограниченная.

— Зато можно ругаться. Большинство ругательств я уже истратила.

Аглая включила общий канал.

— Экипаж. Первый тест. Связка без движения.

Свет в кабине изменился.

Мирон почувствовал остальных.

Не мысли, а Контур.

Аглая была холодной линией, проходившей через машину от головы до ног. Тамир ощущался как натянутая струна, уже направленная в цель. Лада была страннее. Её присутствие состояло из множества коротких толчков, будто слова били по корпусу изнутри.

А потом «Снегирь» включился полностью.

Внутренний шум стал голосом.

Не человеческим. Совокупностью насосов, приводов, полевых колец, цифровых шин и миллиона мелких напряжений.

Мирон зажмурился.

Он никогда не чувствовал машину такого размера изнутри.

Каждая деталь несла долг.

Нормальный, рабочий, неизбежный. Подшипники однажды сотрутся. Кабели нагреются. Сочленения получат микротрещины. Ни одна машина не вечна.

Но в центре корпуса была ещё одна вещь.

Чужая.

Она не принадлежала «Снегирю».

Мирон коснулся панели.

Перед глазами вспыхнуло изображение.

Тёмный заводской цех.

Сотни людей стоят в ряд.

У каждого вместо лица металлическая пластина.

Все одновременно поворачиваются к нему.

— Ермаков.

Аглая трясла его за плечо.

Мирон открыл глаза.

Синхронизация была отключена.

— Что произошло?

— Ничего.

— У тебя пульс сто восемьдесят.

— Я впечатлительный.

Тамир снял обруч.

— Он вошёл глубже.

— Куда?

— В Хор.

— У нас нет Хора. Только тестовая связка.

— Теперь был.

Лада сидела очень тихо.

Для неё это выглядело тревожнее крика.

— Я тоже почувствовала, — сказала она.

— Что?

— Кого-то пятого.

Мирон посмотрел на корпус машины.

— Сколько человек управляли „Снегирём“ раньше?

— Никто, — ответила Аглая. — Это опытный корпус. Первый боевой экипаж мы.

— Тогда у вас кто-то поселился до сдачи квартиры.

Аглая отключила его кресло.

— До выяснения ты не подключаешься к нейросети.

— Отлично.

— И не трогаешь центральный распределитель.

— Ещё лучше.

— И перестань называть машину „квартирой“.

— Это сложнее.

После теста Мирона отправили в нижний машинный отсек.

Там он наконец почувствовал себя дома.

Трубы.

Кабели.

Запах охлаждающей жидкости.

Пятна технического масла, которые никто не смог победить даже на экспериментальной машине стоимостью как небольшой город.

Он открыл панель второго привода и нашёл ошибку за двенадцать минут.

Не мистическую, а обычную.

Техник перепутал два почти одинаковых разъёма датчиков нагрузки.

Мирон почувствовал облегчение.

Мир ещё не полностью сошёл с ума.

— Нашёл?

Аглая спустилась по лестнице.

— Да, человека.

— Конкретнее.

— Человека, который маркирует кабели серым по серому.

Она присела рядом.

Мирон показал разъёмы.

— Перепутано. На малой нагрузке незаметно. При резком торможении автоматика увидит ложный перекося и начнёт компенсировать его реальным.

— Насколько опасно?

— Если быстро остановишься, правая нога попытается выбить левую.

— И это приборы не нашли.

— Приборы нашли бы на тесте.

— Ты нашёл раньше.

— Я прочитал схему.

Это была правда.

Почти.

Мирон заранее знал, к какой панели идти.

Но не собирался объяснять почему.

Аглая взяла отвёртку.

— Держи свет.

— Капитан сама меняет разъёмы?

— Капитан сама хочет жить.

Они работали молча.

Через несколько минут Мирон спросил: «Почему „Снегирь“?»

— Название проекта.

— Нет. Птица на груди нарисована вручную.

Аглая замерла на секунду. «Моя мать рисовала снегирей».

— Та, что пропала?

— Та, про которую ты читал в деле.

— Я не читал.

— Почему?

— Не люблю, когда обо мне читают. Решил отвечать взаимностью.

Уголок её рта едва заметно дрогнул.

— Она участвовала в ранних исследованиях Уральского разлома.

— Нижнего Тагила?

— Да.

— И исчезла?

— За два года до города.

Мирон хотел спросить ещё.

Не успел.

По корпусу прошёл тихий стук.

Три раза.

Изнутри центральной переборки.

Мирон и Аглая одновременно подняли головы.

Стук повторился.

Три коротких.

Два длинных.

Три коротких.

— Это насос? — спросила Аглая.

— Нет.

— Что тогда?

Мирон подошёл к переборке.

Положил ладонь.

Из металла пришло одно ощущение.

Страх.
Не его, а машины.

* * *

После первой связки экипаж отправили на обязательное совместное питание. Мирон сначала решил, что это шутка психологов. Оказалось, нет. В столовой им выделили отдельный стол и анкету из двадцати вопросов. Первый звучал так: «Кто из членов экипажа вызывает наибольшее доверие?» Лада написала: «Повар. Пока никого не отравил». Аглая посмотрела на неё.
— Нужно отвечать серьёзно.
— Я серьёзно отношусь к еде.
Тамир поставил имя Аглаи. Аглая написала Тамир. Мирон написал: «Никто». Аглая подняла глаза.
— Очень конструктивно.
— Мы знакомы меньше недели. Если я сейчас напишу красивый ответ, психолог решит, что мы слаженный экипаж. Потом мы войдём в разлом и выясним правду в неудобном месте. Лада посмотрела на его лист.
— Ненавижу, когда ты случайно говоришь разумные вещи. Следующий вопрос был хуже: «Как вы реагируете на страх?» Аглая написала: «Проверяю процедуру». Тамир: «Двигаюсь медленнее». Лада: «Говорю быстрее». Мирон долго держал ручку над бумагой.
— Шучу, — сказал он наконец.
Лада перестала улыбаться.
— Ты же постоянно шутишь.
— Значит, экономлю время.
Он хотел перевести всё обратно в балаган, но Аглая не дала.
— А когда страшно по-настоящему?
Мирон посмотрел на белую трещину под повязкой.
— Начинаю чинить что-нибудь.
Тамир сказал: «Даже если чинить нельзя». — Особенно тогда.
Психолог в конце потребовал десять минут посидеть молча. Лада выдержала сорок секунд.
— Это насилие.
— Тихо, — сказала Аглая.
Через минуту Тамир достал термос. Мирон открыл его, понюхал и поморщился.
— Это чай или средство для снятия ржавчины?
— Чай.
— Тогда ржавчина обречена.
Аглая неожиданно улыбнулась. Совсем немного, но Мирон заметил. Психолог поставил им неудовлетворительную оценку за молчание. Мирон впервые подумал, что, возможно, это хороший знак.

Глава 9. Правила перед выходом

За два дня до экспедиции Тамир вызвал Мирона на тренировочную площадку.
Не попросил.

Просто пришёл в машинный отсек и сказал: «В двенадцать. Зал три».

— У меня диагностика.

— В двенадцать.

— Я понял время. Не понял причину.

— Ты идёшь в разлом с экипажем.

— Механиком.

— Разлом не различает профессии.

В двенадцать Мирон пришёл.

Из любопытства.

И потому что Аглая, услышав разговор, сказала: «Иди».

Зал три был пуст, кроме Тамира и стойки с тренировочным оружием.

— Умеешь драться?

— В школе один раз подрался с двумя.

— Победил?

— Нет. Но один потом неделю не разговаривал со мной.

— Почему?

— Это был мой друг.

Тамир выдал ему короткую палку.

— Ударь меня.

Мирон посмотрел на палку.

Потом на Тамира.

— В этом месте обычно выясняется, что ты можешь убить меня одним пальцем.

— Не могу.

— Успокоил.

— Нужно два.

Мирон усмехнулся и ударил.

Тамир сместился.

Палка прошла мимо.

Мирон хотел остановить движение, но внезапно почувствовал сопротивление.

Будто удар зацепился за воздух и продолжил тянуть руку вперёд.

Он сделал лишний шаг.

Тамир подставил ладонь под палку.

Движение закончилось.

— Что это было?

— Мой Контур.

— Ты повесил на меня свой удар?

— Нет. Ты начал свой.

— И?

— Любое начатое движение хочет завершиться. Я умею напоминать ему об этом.

Мирон потёр плечо.

— Полезная философия для человека с копьём.

— Опасная философия для человека, который привык вмешиваться.

Теперь Мирон понял.

— Ты не тренировать меня позвал.

— Тренировать тоже.
— Но сначала прочитай лекцию.
Тамир взял копье.
— Ты переносишь повреждения.
— Предположительно.
— Ты перенёс повреждение разлома в руку.
— Да.
— Значит, ты можешь перенести его в другого человека.
Мирон не ответил.
Эта мысль приходила ему.
Он её не любил.
Тамир продолжил:
— В бою ты увидишь много мест, куда можно положить чужую цену. В машину. В землю.
В себя. В союзника. Во врага.
— Я не собираюсь...
— Неважно, что ты собираешься. Важно, что однажды это покажется правильным.
Он сделал выпад.
Мирон отшатнулся.
Острие остановилось в десяти сантиметрах от груди.
Воздух между ними сжался.
Удар продолжал искать цель.
Мирон чувствовал это кожей.
— Прими, — сказал Тамир.
— Что?
— Удар.
— Спасибо, не надо.
— Пока он не завершён, он останется.
Тамир отпустил копье.
Оно повисло в воздухе.
Мирон обошёл его.
Острие медленно повернулось вслед.
— Неприятная штука.
— Очень.
— И как остановить?
— Завершить. Или кто-то другой добровольно принимает удар.
— Добровольно?
— Это важно.
Мирон посмотрел на него.
Тамир впервые улыбнулся.
Совсем чуть-чуть.
— Ты понял.
— Ненавижу, когда меня воспитывают копьём.
— Запоминается лучше.
Мирон коснулся древка.
— Принимаю.
Удар закончился.
Палка упала на пол.
Тамир поднял её.
— Ещё раз.

Через час Мирон лежал на мате и пересматривал жизненные решения.

Лада сидела у стены и делала записи.

— Ты давно здесь? — спросил он.

— Достаточно, чтобы поставить на Тамира.

— Предательница.

— Исследовательница.

Тамир ушёл за водой.

Лада подошла ближе.

— Он прав.

— Сговор?

— Нет. Я тоже хотела тебя предупредить, только без синяков.

Она села на пол.

— Контур всегда предлагает удобный способ решить проблему. В этом ловушка.

— У тебя слова.

— Были.

Мирон повернул голову.

— Что значит были?

Лада достала маленькую записную книжку.

Открыла.

На первой странице было написано:

ДОМ. Это место, где тебя ждут и где ты можешь не объяснять, почему вернулся поздно.

На второй:

МАТЬ. Человек, чей голос делает тебя снова маленькой, даже если ты злишься.

На третьей:

СТРАХ. Не слабость. Сигнал о том, что тебе есть что терять.

— Каждый раз, когда я придаю слову физическую силу, оно немного пустеет, — сказала Лада. — Сначала теряется оттенок. Потом воспоминания, связанные с ним. Потом я понимаю значение как словарную статью, но ничего не чувствую.

— Можно перестать пользоваться Контуром.

— Можно.

— Почему не перестала?

— Потому что однажды слово „держись“ удержало потолок над двадцатью людьми.

Она закрыла книжку.

— После такого трудно решить, что язык важнее.

Мирон подумал о белой трещине на руке.

— Вы все знали цену заранее?

— Не всю.

— Аглая?

— Спроси её.

— Не отвечает.

— Значит, спросил плохо.

Вечером Мирон нашёл Аглаю в кабине «Снегиря».

Она сидела в пилотном кресле и медленно сгибала пальцы левой руки.

Раз.

Два.

Три.

На четвёртый безымянный остановился.

Аглая взяла его другой рукой и заставила согнуться.

Мирон тихо отступил.

— Стой.

Она не обернулась.

— Я не подслушивал.

— Ты стоишь в дверях.

— Очень пассивно.

Аглая продолжила упражнение: «Моя цена. Чем чаще я обнуляю инерцию, тем хуже тело помнит движение».

— Можно лечить?

— Пока да.

— А потом?

— Потом специальная терапия. Импульсные каркасы. Нейростимуляция.

— А потом?

— Потом я однажды не встану.

Мирон сел в соседнее кресло.

— Зачем тогда пилотировать?

— Потому что пока я встаю.

Это прозвучало так просто, что спорить было невозможно.

Аглая вывела на экран маршрут.

— Завтра тренировочный выход. Послезавтра разлом.

На карте светилась точка К-317.

Мирон увидел рядом ещё одну отметку.

Старую.

Нижний Тагил.

Её перечёркивала красная надпись:

ТЕРРИТОРИЯ ОТСУТСТВУЕТ.

* * *

Перед учебным выходом Тамир устроил Мирону второй урок.

На этот раз без копья.

Он положил на пол три камня.

— Выбери один.

— Зачем?

— Выбери.

Мирон ткнул в средний.

Тамир убрал два остальных.

— Теперь представь, что левый спас бы одного человека, правый десятерых, средний никого.

— Очень полезная информация после выбора.

— Именно.

— К чему это?

— Ты привык думать, что если видишь долг, видишь правильное решение.

Мирон присел.

— Я вижу поломку.

— Не причину жить.

— Опять философия.

— Да.

Тамир вернул камни.

— Мой Контур прост. Удар должен завершиться. Но я выбираю, начинать его или нет. Самая важная часть силы происходит до движения.

— А моя?

— Ты пока не знаешь.

Мирон смотрел на камни.

— Если вижу, что человек ломает ногу, и могу перенести травму на стену?

— Спроси стену.

— Очень смешно.

— Тогда спроси себя, почему стена кажется дешевле.

Мирон хотел ответить, что стена неживая.

Но вспомнил собственную руку. Белая трещина тоже когда-то была просто следствием, которое он решил считать дешёвым.

— Ты всегда такой неприятный?

— Только с людьми, которые могут стать опасными.

— Я тронут.

После тренировки Мирон зашёл в медицинский отсек за новой повязкой. Там была Аглая. Врач ставил ей нейростимуляторы на предплечье.

Она не успела спрятать руку.

Мирон остановился.

— Я могу выйти.

— Уже увидел.

— Да.

Врач проверял скорость отклика пальцев после недавнего использования Нулевой инерции. Показатели были хуже прошлой недели.

— На шесть процентов, — сказала Аглая, заметив его взгляд.

— Это много?

— Достаточно, чтобы врач был недоволен.

— Я всегда считал врачей профессионально недовольными.

Она улыбнулась. «Не жалею».

— Не собирался.

— И не предлагай перенести.

Мирон посмотрел на белую трещину.

— Я ещё не умею.

— Но подумал.

— Да.

Аглая надела перчатку.

— Вот поэтому Тамир тебя тренирует.

Глава 10. Учебная авария

До первого выхода на «Ровное место» Аглая заставила экипаж пройти аварийную эвакуацию без света.

Мирону выдали мягкую маску, перчатки и приказ добраться из машинного отсека до верхнего шлюза за девяносто секунд. Он спросил, почему механик должен уметь бегать по тёмному ходуку, если его работа как раз состоит в том, чтобы свет не гас.

— Потому что однажды ты не успеешь, — ответила Аглая.

— Убедительно. Неприятно, но убедительно.

Свет погас.

Внутри «Снегиря» сразу исчезло ощущение огромной машины. Остались узкие трубы, горячий металл под ладонью и чужое дыхание где-то сверху. Мирон знал план корпуса почти наизусть, но без зрения размеры менялись. Лестница казалась длиннее. Проход между накопителями, наоборот, закончился раньше, и он ударился плечом о переборку.

— Семьдесят секунд, — сообщил голос Аглаи.

— Спасибо за поддержку.

— Это время.

— Тем хуже.

На втором уровне он встретился с Тамиром. Тот шёл вниз, хотя по заданию должен был подниматься.

— Ты куда?

— Третий шлюз заблокирован.

— По сценарию?

— Теперь да.

Лада снизу сказала очень спокойным голосом: «Я случайно закрыла его словом».

Мирон остановился.

— Как можно случайно закрыть шлюз словом?

— Сказать "стой" рядом с дверью, которая и так хочет стоять.

— Очень полезная способность.

— Я стараюсь.

Пришлось ползти через сервисный канал. Тамир пропустил Мирона вперёд, потому что с копьём в руках в канал не помещался. Через двадцать секунд сверху послышался металлический звон.

Мирон замер.

Не аварийный сигнал. Долг.

— Не лезь, — сказал он.

Тамир за спиной не спросил почему. Просто остановился.

Мирон вытянул руку в темноте и нащупал крепление воздуховода. Болт держался на двух витках. Ещё одно движение, и тяжёлая секция сорвалась бы прямо на голову тому, кто полезет первым.

— Аглая, свет.

— Задание не окончено.

— У нас настоящее крепление на исходе.

Свет включился сразу.

Болт выглядел обычным. Мирон показал его Аглае после тренировки. Она осмотрела резьбу, затем вызвала техника и подняла журнал ремонта.

— Его меняли вчера.

— Плохо меняли.

- Контроль прошёл.
- Тамир взял болт двумя пальцами.
- Не прошёл. Его убедили, что прошёл.
- Металл у вас тоже умеет врать?
- Люди умеют врать через металл.

Аглая отдала болт лаборатории и ничего не сказала. Но в следующем упражнении позволила Мирону стоять рядом с пилотской консолью вместо механического поста.

На «Ровном месте» их ждали бетонные холмы, провалы и подвешенные на тросах блоки массой в десятки тонн. Задача казалась простой: пройти маршрут за двенадцать минут, не разрушив ни одного препятствия.

- Это тренировка спасательной работы? — спросил Мирон.
- Это тренировка не ломать всё, что мешает, — ответила Аглая.
- Нас специально свели?
- Нет. Но судьба иногда полезна.
- Не употребляй это слово рядом с Ладой.
- Услышала, — сказала Лада по связи.
- Конечно услышала.

Первый проход «Снегирь» преодолел медленно. Аглая снимала инерцию с каждой ноги в момент касания, Тамир гасил боковые колебания Контуром через опорные штанги, Лада фиксировала командными словами аварийные панели. Мирон отслеживал напряжения в силовой раме.

На шестой минуте он впервые понял, что их способности не складываются как инструменты в ящике. Они мешают друг другу.

Когда Аглая обнуляла импульс, напряжение исчезало слишком резко и уходило в шарниры. Когда Тамир задавал движению продолжение, часть конструкции начинала «хотеть» двигаться даже после остановки. Слова Лады могли удержать деталь, но удерживали и нагрузку внутри неё.

- Мы копим, — сказал Мирон.
- Что?
- Всё. Каждый ваш красивый трюк оставляет хвост.
- До финиша четыре минуты, — ответила Аглая.
- Я не про время.
- Я тоже.

Она ускорила ходок.

Мирон уже открыл рот, чтобы возразить, когда услышал знакомый тон. Низкий, почти ниже слуха.

- Не в раме, глубже.
- В реакторном кожухе.
- Стоп.
- Аглая остановила «Снегиря».
- Что?
- Реактор.

На экране всё было зелёным.

Мирон приложил ладонь к консоли. Ощущение пришло через корпус, слабое и далёкое. Будущая поломка.

Очень близкая.

- Мы сходим с маршрута.
- Аглая посмотрела на таймер. Потом на него.
- И впервые без спора сняла ходок с задания.

Через три минуты, уже на технической площадке, зелёная строка реактора стала жёлтой.
Через пять красной.

А через шесть внутренний экран вспыхнул так, будто внутри машины открылось маленькое солнце.

Глава 11. Голос матери

Мирон потом много раз пытался вспомнить первые секунды после раскрытия реактора. Память давала ему только куски.

Красный свет на полу.

Лада, пристёгнутая поперёк кресла, потому что аварийный поворот бросил её боком.

Тамир, который упёр древко копья в переборку и почему-то кричал имя Аглаи.

Аглая не кричала вообще.

Она держала обе руки на пилотской рамке. На правой дрожали два пальца.

— Нулевая инерция на кожух, — сказала она.

— Не сможешь, — ответил Мирон.

— Смогу.

— Он уже расходится.

Кожух действительно расходился. Не взрывался сразу. Толстый металл медленно раскрывал шов, и Мирон видел накопленное разрушение почти как цвет. За ним давило тепло, давление, вибрация и несколько лет микроскопических ошибок, каждая из которых до этого была слишком маленькой, чтобы стать аварией.

Теперь они собрались вместе.

— Снегирь, — сказала Аглая. — Сброс реактора.

Ответа не было.

— Сброс реактора.

Тишина.

Мирон понял почему раньше системы.

— Крепления не отпустят.

— Почему?

— Они боятся.

Аглая повернула к нему голову.

Он сам услышал, насколько безумно это прозвучало.

— Потом объясню.

Мирон спрыгнул с кресла и побежал вниз.

— Ермаков, назад!

— Если его выбросить сейчас, он разорвёт машинный отсек.

— И что ты сделаешь?

— Плохое решение.

— Конкретнее.

— Не успеваю.

В машинном отсеке воздух уже пах раскалённой изоляцией. Мирон сорвал перчатку. Белая линия на руке светлела под кожей.

Он положил ладонь на кожух.

Долг ударил сразу.

Обычно в повреждении можно было различить составляющие. Усталость металла. Трещину. Перегрев. Неправильный момент затяжки. Здесь их были тысячи. Мирон провалился в них как в шумный цех, где каждый станок требует внимания одновременно.

Он искал место, куда можно перенести разрушение.

Рама уже была нагружена.

Броня слишком близко к людям.

Полигон вокруг мог принять часть, но тогда взрыв просто случится снаружи.

Тело Мирона было слишком маленьким приёмником.

Оставалось то, чего нельзя было потрогать рукой.

Он вспомнил белую складку дороги. Повреждение пространства тогда вошло в кожу. Значит, долг не обязан быть только механическим.

Значит, платить можно чем-то ещё.

— Не смей, — сказал голос в наушнике.

Аглая.

Мирон не ответил.

Он подумал о памяти как о конструкции. Там тоже были связи. Слабые и сильные. То, что держится десятилетиями. То, что стирается за неделю.

Нельзя выбирать наугад.

Он попытался открыть воспоминания как ящики и почти рассмеялся от нелепости мысли.

Вместо ящиков пришли звуки.

Костя ругается в цехе.

Евдокия смеётся с набитым ртом.

Отец кашляет у окна.

Мать поёт что-то, пока режет яблоки.

Мирон отдёргнул руку.

Кожух треснул шире.

— Три секунды! — крикнула Аглая.

Он снова схватился за металл.

Не выбирать.

Если он выберет удобную память, это уже будет слишком похоже на торговлю собой.

Пусть долг возьмёт то, что сможет.

Мирон потянул.

На этот раз боль пришла в голову.

Она была не острой. Хуже. Будто кто-то вынимал из него тонкие провода, и он чувствовал каждое место, где провод был припаян.

Металл под ладонью перестал расходиться.

Красная полоса на коже потемнела.

Тревога сменилась жёлтым предупреждением.

Мирон упал на колени.

Кто-то выключил реактор.

Кто-то поднял его.

Он пришёл в себя в медицинском отсеке. Первым увидел потолок. Вторым Аглаю.

Она сидела рядом и держала стакан воды обеими руками. Не пила.

— Сколько? — спросил Мирон.

— Четыре часа.

— Реактор?

— Жив.

— Люди?

— Живы.

— Я?

— К сожалению.

Он улыбнулся.

Аглая не улыбнулась. «Что ты перенёс?»

— Не знаю.

— Врачи говорят, физического повреждения почти нет.

— Хорошие врачи.

— Мирон.

Он закрыл глаза и начал проверять себя.

Имя. Есть.

Пермь. Есть.

Евдокия. Есть.

Отец. Лицо помнил. Голос тоже.

Мать.

Лицо пришло сразу. Тёмные волосы, усталые глаза, привычка поправлять рукав перед тем, как браться за горячую кастрюлю.

Мирон попытался вспомнить, как она говорила его имя.

Ничего.

Он открыл глаза.

— Что? — спросила Аглая.

— Скажи "Мирон".

— Зачем?

— Скажи.

Она сказала.

Он услышал голос Аглаи.

Попытался подставить на его место другой.

Не получилось.

— Я не помню мамин голос.

Аглая поставила стакан.

— Совсем?

— Я знаю, что он был. Знаю, что она говорила тихо, когда злилась. Знаю, что пела ужасно.

Но не слышу.

Несколько секунд они сидели молча.

— Может вернуться, — сказала Аглая.

Мирон посмотрел на неё.

— Не обещай.

Она кивнула.

Позже вошла Руднева с планшетом. Она объясняла про локальную амнезию, необычную активность коры, отсутствие структурного поражения. Мирон слушал половину.

Вторая половина его внимания была в машине.

Он всё ещё чувствовал «Снегиря» через пол.

Реактор болел.

Но жил.

Когда Руднева вышла, на стенном экране появилось одно слово.

БОЛЬНО.

Аглая встала.

— Кто это написал?

Экран очистился.

Потом появилось:

Я.

Глава 12. Пятый член экипажа

После слова «я» в «Снегире» собрали комиссию.

Комиссии Мирон не любил ещё до того, как одна из них решила, что разумная машина является «непредусмотренным режимом диагностического интерфейса».

В верхнем отсеке поставили дополнительный стол. За ним сидели полковник Кли́н, два инженера завода, представитель корпуса, Руднева и мужчина из Казани, который представился специалистом по самоорганизующимся контурам управления.

— То есть по разумным машинам? — спросил Мирон.

— Нет такого термина.

— Теперь есть.

— Не доказано.

— Он написал "я".

— Интерфейс мог воспроизвести речевой шаблон экипажа.

Лада подняла руку.

— Можно вопрос?

Специалист кивнул.

— Если я воспроизведу ваш речевой шаблон и скажу что-нибудь глупое, вы перестанете существовать?

Кли́н прикрыл глаза ладонью.

— Чернова.

— Я уточняю методологию.

— Уточнила.

Тамир всё это время стоял у стены. На стол не смотрел. Смотрел на переборку.

Мирон заметил.

— Что?

— Слушает.

— Кто?

— Машина.

Специалист раздражённо произнёс: «У ходока нет органов слуха внутри корпуса внешних датчиков».

Тамир повернулся.

— У вас тоже нет органа для обещаний. Но вы их нарушаете.

Мирон кашлянул, чтобы скрыть смех.

Комиссия решила провести тест.

Все речевые каналы отключили от центрального ядра. На отдельном экране оставили только простой ввод: три команды и три ответа. Да. Нет. Ошибка.

Кли́н сел перед экраном.

— Ты понимаешь меня?

ДА.

Инженер завода наклонился вперёд.

— Система могла распознать вопрос по вибрации корпуса.

Мирон сказал: «Тогда спросите мысленно».

— Не смешно.

— Немного смешно.

Кли́н продолжил: «Тебе больно сейчас?»

НЕТ.

— Было больно во время аварии?

ДА.

— Что именно болело?

На экране ничего не менялось.

Потом загорелось ОШИБКА.

Лада тихо сказала: «У него нет слова».

Специалист посмотрел на неё.

— Что?

— Мы спрашиваем машину описать состояние человеческим словарём. Может, для неё "больно" это ближайшее совпадение.

— Вы филолог?

— Я исследую аномальные религии.

— Это не улучшает ситуацию.

— Обычно нет.

Мирон подошёл к экрану.

— Ты боялся, что реактор сломается?

ДА.

— Ты знал заранее?

ДА.

— Почему не сказал?

ОШИБКА.

Мирон подумал.

— Не умел?

ДА.

— Теперь умеешь?

Пауза.

ДА.

Он почувствовал, как у него холодеет белая трещина.

— Снегирь, когда ты впервые понял, что можешь думать о себе отдельно?

Система долго молчала.

Потом вместо трёх разрешённых ответов на экране появилось слово, которого не было в интерфейсе.

КОГДА ТЫ ПОЧИНИЛ.

Инженер вскочил.

— Отключить питание ядра.

Аглая впервые вмешалась.

— Нет.

— Капитан, это неизвестный процесс в боевой машине.

— В моей машине.

— Она принадлежит корпусу.

— Моему экипажу предстоит войти на ней в разлом через двадцать часов. До возвращения она моя в том смысле, который сейчас имеет значение.

— Это нарушение процедуры.

— Запишите.

Клин посмотрел на Аглаю, потом на экран.

— Питание не отключать. Ограничить доступ к оружию. Изолировать внешнюю связь.

Все самостоятельные сообщения протоколировать.

Мирон спросил: «А поговорить с ним можно?»

— Нет.

На экране появилось:

ПОЧЕМУ.

Клин тяжело вздохнул. «Вот поэтому».

Вечером экипаж ел внутри машины. Не потому что нельзя было выйти. Просто никто не хотел оставлять «Снегиря» одного после комиссии.

Лада принесла лапшу. Тамир заварил чай настолько крепкий, что Мирон решил, что это оружие его школы. Аглая ела молча и перчитывала маршрут.

На маленьком экране у стола мигнул курсор.

Мирон положил вилку.

— Тебя отключили от внутренних терминалов.

Курсор мигнул ещё раз.

Лада спросила: «Он нас взломал?»

Аглая посмотрела на экран.

— Скорее, выяснил, что этот терминал никто не считал важным.

Появилась надпись:

ЧАЙ ПЛОХОЙ.

Тамир медленно повернул голову к экрану.

— Он не пьёт чай.

Мирон сказал: «Но у него есть датчики химического состава воздуха».

Лада прыснула.

Тамир встал.

— Машина оскорбила чай.

На экране возникло:

ДА.

Мирон впервые за сутки засмеялся по-настоящему.

Аглая тоже улыбнулась. Совсем немного.

Перед сном они составили свои правила общения с машиной. Не приказывать бессмысленно. Не задавать вопросы ради проверки. Не использовать её ответы как доказательство человеческих эмоций. Сообщать, если собираются менять корпус без предупреждения.

Последний пункт добавил «Снегирь» сам.

НЕ ЛОМАТЬ ВНЕЗАПНО.

— Мы постараемся, — сказал Мирон.

Экран мигнул.

ПОСТАРАЮСЬ ТОЖЕ.

Утром ходок вышел из Перми.

Глава 13. Город, которого нет

До точки К-317 «Снегирь» шёл семь часов.

Первые четыре Мирон ждал, что дорога снова начнёт спорить с расстоянием. Пятый час он ждал нападения. На шестом понял, что ожидание само по себе умеет выматывать лучше драки, и полез в машинный отсек менять фильтр, который прекрасно работал.

— Ты его вчера менял, — напомнила Лада по внутренней связи.

— Сегодня он выглядит подозрительно свежим.

— Это болезнь механиков?

— Профилактика.

— Мне нравится, как вы называете тревожность.

Мирон выкрутил крепёж, осмотрел чистую сетку и поставил обратно.

— А ты зачем следишь?

— Пишу полевой журнал.

— Запиши: механик героически победил исправный фильтр.

— Уже.

— Серьёзно?

— Нет. Но теперь запишу.

Внешние камеры показывали коридор. Узкая полоса дороги, лес, редкие сервисные башни. На дальних холмах торчали опоры старых стабилизаторов. Некоторые были построены ещё в первые десятилетия после Белого Звона, когда инженеры не знали, что именно стабилизируют, поэтому делали конструкции огромными и на всякий случай добавляли больше металла.

На центральной карте точка исчезновения каравана приближалась.

Аглая объявила:

— Пять километров. Переходим на внутренний канал. Поле сто восемьдесят метров.

Никто не выходит.

Тамир спросил: «Если граница не войдёт в поле?»

— Обойдём.

— Мы едем к разлому, чтобы его обойти?

— Мы едем найти людей.

— Они внутри.

— Это предположение.

— Сестра прислала фотографию из исчезнувшего города.

— Это сильное предположение.

— Спасибо.

Лада вмешалась:

— Можно я официально зафиксирую, что капитан Морозова признала чужой аргумент?

— Нет.

— Исторический момент потерян.

На расстоянии двух километров навигатор начал ошибаться.

Сначала на двадцать метров.

Потом на сто.

Затем «Снегирь» сделал шаг, а карта сообщила, что машина переместилась назад на триста метров.

Аглая отключила автоматическую навигацию.

— Ручное управление.

Мирон поднялся в средний обзорный отсек.

— Я покажу место.
— Ты остаёшься внутри.
— Я и не собирался гулять.
Он приложил ладонь к внутренней броне.
Долг был рядом.

После тренировочной аварии ощущение изменилось. Раньше Мирон чувствовал напряжение как звон в зубах и пальцах. Теперь иногда приходили формы. Вес. Направление. Он не знал, развилась ли способность или просто мозг научился переводить невозможное в понятные образы.

Белая трещина на руке холодела.
— Правее.
Аглая повернула корпус.
— На сколько?
— Не знаю. Метров двадцать.
— Это ходок. У него нет „метров двадцать“ как у человека.
— Тогда на один очень аккуратный шаг.
— Ненавижу твою систему измерений.
— Она взаимна.
«Снегирь» шагнул.
Внешний мир моргнул.
Не экраны, а мир.

Лес справа исчез. На его месте на секунду возникло поле, покрытое снегом. Потом вернулся август.

Тамир тихо сказал: «Граница».
Мирон почувствовал её всей кожей.
— Ещё шаг.
Аглая не двигалась.
— Мирон, если поле разорвёт...
— Не разорвёт.
— Ты не можешь знать.
Он мог.

И это пугало.

Пространство перед ними было повреждено, но повреждение удерживалось. Оно ждало не давления, а правильного направления. Как дверь с перекошенной петлёй, которую нельзя толкать, но можно приподнять.

— Опустит левую опору на полметра.
— Зачем?
— Потому что здесь вниз немного левее.

Лада произнесла: «Очень научно».
Аглая выполнила.

— Теперь шаг.
«Снегирь» вошёл в белую линию.

На мгновение Мирон перестал слышать машину.

Это было страшнее шума.

Потом все звуки вернулись одновременно.

Сигналы тревоги.

Скрежет.

Крик Лады.

Удар Тамира о фиксаторы.

— Нулевая инерция!
Аглая остановила корпус.
За окнами был день.
Серый, зимний.
На дороге лежал снег.
— Температура минус двенадцать, — сообщил штатный бортовой голос.
Мирон посмотрел на календарь.
Август.
— Поле стабильно?
— Пятьдесят два процента, — ответила Аглая. — Падает.
Лада проверяла камеры.
— Дорога та же.
Тамир сказал: «Нет».
На обочине стоял дорожный знак.
Километр 317.
Он был старым, ржавым, почти занесённым снегом.
На нём кто-то красной краской написал:
ДО ГОРОДА 12 КМ.
Мирон почувствовал знакомый канат долга.
— Туда.
— У нас поле нестабильно, — сказала Аглая.
— Если выйдем обратно, границу можем не найти.
— Если останемся, можем не найти себя.
На панели перед ней загорелась строка.
НЕ БОЙСЯ.
Аглая посмотрела на экран.
— Снегирь, это ты?
Ответ:
ДА.
Лада наклонилась к камере.
— Ты понимаешь, где мы?
ДА.
— Где?
ДОМА.
— Это уже было, — сказал Мирон. — Спроси, чей дом.
Лада набрала:
ЧЕЙ?
Экран долго молчал.
Потом появился ответ:
НАШ.
Поле стабилизации поднялось с пятидесяти двух до семидесяти процентов.
Само.
Аглая сжала рычаги.
— Я не давала команду на перераспределение мощности.
Мирон почувствовал, как ходок меняет напряжение в кольцах.
Не хаотично, а осмысленно.
— Он знает дорогу.
— Не называй машину „он“.
На панели появилась строка:

ОН НОРМАЛЬНО.

Лада засмеялась.

Даже Тамир фыркнул.

Аглая несколько секунд смотрела на экран.

— Хорошо. Он. Но если он поведёт нас в пропасть, я его лично выключу.

Я СЛЫШУ.

— Прекрасно.

Они двинулись.

Снег был глубоким, но под ногами ходака почти не проминался. В одном месте они прошли рядом с грузовиком, стоявшим в сугробе. Машина выглядела свежей. В кабине лежала чашка, на стекле отпечаталась ладонь.

Людей не было.

— Дата на регистраторе? — спросила Лада.

Мирон подключился к внешнему каналу.

— Двадцать второго января 2237 года.

— Двенадцать лет назад.

Именно тогда исчез Нижний Тагил.

Через час снег закончился мгновенно.

Они пересекли невидимую границу и оказались в тёплом летнем дожде.

Ещё через два километра дождь остановился в воздухе.

Капли висели неподвижно, пока «Снегирь» не входил в них полем. Внутри стабильной области вода начинала падать на броню.

— Красиво, — сказала Лада.

— Опасно, — ответила Аглая.

— Одно другому не мешает.

Мирон не слушал.

Впереди проступал город.

Сначала трубы.

Потом серые многоэтажки.

Заводские корпуса.

Высокие краны.

Дым над доменными печами.

Город, которого двенадцать лет не было на карте, стоял перед ними и работал.

На въездной стеле сохранились буквы:

НИЖНИЙ ТАГИЛ.

Под ними электронное табло показывало дату.

14 августа 2289 года.

На сорок лет позже их времени.

А рядом, прямо под знаком, стояла Евдокия.

Взрослая женщина в рабочей куртке.

Она подняла руку.

И улыбнулась Мирону так, будто видела его вчера.

Глава 14. Сестра старше

Мирон не дождался полной остановки шлюза.

Аглая успела сказать «Ермаков», Тамир успел сказать что-то на монгольском, а Лада только открыла рот. Мирон уже тянул аварийный рычаг внешней двери.

— Ты никуда не...

— Она там.

— Поле нестабильно.

— Она там.

— Мирон.

Он повернулся.

Аглая стояла в проходе.

Лицо спокойное. Рука на блокираторе двери.

— Пять минут, — сказала она. — Страховочный трос. Датчик времени. Если связь пропадает, возвращаешься по тросу. Если видишь что-то невозможное, не трогаешь.

— Я вижу сестру старше себя.

— Начни с неё.

Евдокия ждала у границы поля.

Когда Мирон спустился по внешней лестнице, она не бросилась навстречу. Просто стояла, засунув руки в карманы, и рассматривала его.

Он тоже смотрел.

У неё осталось то же лицо.

И одновременно не осталось.

Скулы стали резче. Под глазами тонкие морщины. Волосы короче, чем он помнил, у правого виска полоска седины. На шее шрам, которого не было. Движения спокойные, экономные.

Самое страшное было не это.

Она смотрела на него как взрослый человек на младшего.

— Привет, Мир.

Только Евдокия называла его так.

Мирон подошёл.

Хотел обнять.

Остановился.

— Можно?

Она улыбнулась. «Наконец-то спрашиваешь».

Он обнял её.

Евдокия была настоящей. Тёплой. От куртки пахло машинным маслом и дымом.

Она хлопнула его по спине.

— Ты всё такой же костлявый.

— А ты...

— Старая?

— Я хотел сказать взрослая.

— Врёшь плохо.

Мирон отступил.

— Сколько?

Она поняла.

— Для тебя шесть дней.

— Для тебя?

— Семнадцать лет и три месяца.

Мирон сел прямо на бетонный бордюр.

Евдокия присела рядом.

В наушнике Аглая спросила: «Состояние?»

Мирон ответил не сразу: «Жива».

Евдокия подняла бровь.

— Очень информативно.

— Ты не понимаешь.

— Я семнадцать лет ждала, когда ты скажешь что-нибудь умнее.

— Для тебя я исчез?

— Нет. Ты просто не приходил.

— Это разные вещи?

— Здесь да.

Она встала.

— Пойдём. На улице долго стоять нельзя.

— Почему?

— Через восемь минут этому кварталу будет зима.

Мирон посмотрел на серое августовское небо.

— Конечно.

Евдокия кивнула на «Снегиря».

— Красивый.

— Он разговаривает.

— Знаю.

— Откуда?

Евдокия посмотрела на машину.

— Потому что часть его уже была здесь.

В наушнике стало тихо.

Лада спросила: «Она слышит нас?»

— Слышу, — ответила Евдокия. — И если ты Лада, не говори слово „дом“ рядом с восьмым цехом.

— Почему?

— Он воспринимает буквально.

— Что делает?

— Строит.

Лада помолчала. «Мне нравится этот город».

— Пройдёт.

Они вошли в старое административное здание у въезда. Внутри было тепло. На стенах висели планы эвакуации. Лампы работали, хотя половина потолка почернела от пожара.

В комнате диспетчеров сидели люди.

Мирон узнал двоих пассажиров каравана. Они исчезли шесть дней назад.

Оба выглядели старше лет на пятнадцать.

Один поднялся.

— Мирон?

— Савельев?

Мужчина рассмеялся.

— Господи. Ты вообще не изменился.

— Стараюсь.

На столе стоял чайник.

Рядом лежали инструменты, детали, самодельные часы. У каждого человека на запястье было по три разных циферблата.

Аглая, Лада и Тамир вошли через минуту. Аглая первой делом проверила стены и окна. Тамир посмотрел на людей, потом на выходы. Лада сразу увидела часы.

— Зачем столько?

Евдокия указала на первый.

— Личное время.

На второй.

— Время района.

На третий.

— Время города.

— А снаружи?

— Не знаем. До вас связи не было.

Аглая положила на стол переносной хронометр.

— Сейчас 14 августа 2249 года.

Никто из местных не удивился.

Это было хуже удивления.

Савельев налил себе чай.

— У нас на центральных часах 2289-й.

— Вы знали, что время снаружи другое?

— Предполагали. В город иногда падают вещи.

— Какие?

— В основном мусор. Радиопакеты. Обломки. Один раз вагон метро.

Лада моргнула.

— Из какого города?

— Москва. Судя по рекламе, 2261 год.

Аглая медленно села.

— То есть сюда попадают вещи из будущего.

— И из прошлого, — сказала Евдокия. — Иногда одновременно.

Мирон смотрел на сестру.

— Ты не отвечаешь на главное.

— На что?

— Почему вы не вернулись?

Евдокия перестала улыбаться.

— Потому что выход есть только в одну сторону.

— Мы только что вошли.

— Войти легко. Город любит новых людей.

— А выйти?

Она подошла к окну.

За стеклом дождь внезапно превратился в снег.

Точно по её прогнозу.

— Город должен тебя отпустить.

— Город?

— Ты ещё не слышишь его?

Мирон почувствовал металл вокруг.

Стены. Трубы. Кабели. Рельсы за зданием. Заводы вдали.

Долг был повсюду.

Миллионы мелких повреждений соединялись в одно огромное напряжение.

И за ним действительно было что-то похожее на внимание.

— Слышу.

Евдокия кивнула. «Тогда поймёшь быстрее нас».

Она достала из кармана металлический жетон.

На нём было выбито:

БРИГАДА 17. РЕМОНТНЫЙ ДОПУСК.

— За семнадцать лет мы нашли один путь к центру. Там находится система, которая держит город.

— Выключим её.

— Пробовали.

— Починим.

Евдокия посмотрела на него так, как раньше Мирон смотрел на неё, когда она предлагала разобрать домашний стабилизатор ради интереса.

— Вот поэтому я и боялась, что придёшь именно ты.

— Почему?

— Потому что здесь всё сломано. И город знает, что ты не умеешь пройти мимо сломанного.

С улицы раздался гудок.

Низкий, заводской.

Все местные одновременно замолчали.

Евдокия посмотрела на часы района.

— Рано.

Савельев встал.

— На сколько?

— На четыре часа.

Второй гудок.

Пол под ногами задрожал.

За окном по улице шли люди.

Сначала Мирон решил, что это рабочая смена.

Потом увидел, что у первого вместо головы был старый чемодан.

У второго лицо состояло из десятков фотографий.

Третий был собран из детской коляски, пальто и связки ключей.

Лада подошла к стеклу.

— Что это?

Евдокия выключила свет.

— Город вспоминает жителей.

Глава 15. Ночная смена

Механические фигуры шли по улице молча.

Их было около тридцати.

Они двигались не как роботы. Слишком по-человечески. Один прихрамывал. Другая фигура всё время поправляла ремень сумки, которой у неё не было. Маленький силуэт держал за руку взрослого, хотя их ладони состояли из разных предметов и физически не соединялись.

Мирон стоял у окна и чувствовал, как каждая конструкция несёт кусок долга.

Не механического, а человеческого.

Чемодан был истёрт ручками одного хозяина. Ключи помнили тысячи поворотов. Детская коляска хранила удары о ступени. Куртка была прожжена на рукаве. Фотографии загибались именно там, где их годами держали пальцами.

Город не просто собирал вещи.

Он собирал привычки.

— Они опасны? — спросил Тамир.

Евдокия ответила: «Если не мешать смене, обычно нет».

— Обычно?

— У нас длинная статистика, но маленькая выборка выживших.

Аглая закрыла жалюзи.

— Зачем они идут?

— На работу.

— Куда?

— На завод. Потому что двенадцать лет назад люди шли на ночную смену, когда город исчез.

Лада прошептала: «Он повторяет последнее утро».

— Не совсем. Утро меняется. Люди нет.

Мирон повернулся к Евдокии.

— Ты сказала, смена началась рано.

— Да, потому что пришёл „Снегирь“.

Внутренний канал ожил.

Бортовая система сама подключилась к динамике здания.

«Я НЕ ХОТЕЛ».

Аглая медленно подняла браслет.

— Ты подключился к городской сети?

— ДА.

— Отключись.

Пауза.

«НЕ МОГУ».

Мирон почувствовал толчок под полом.

Где-то далеко заработал тяжёлый пресс.

Потом ещё один.

В городе включались цеха.

Евдокия схватила куртку.

— Нужно в укрытие.

— Мы уже в здании, — сказал Мирон.

— Это не укрытие.

Снаружи одна из фигур остановилась.

Человек-чемодан повернул голову к окну.

Потом все остальные тоже.
Аглая тихо сказала: «Похоже, нас заметили».
Фигуры развернулись.
Пошли к зданию.
Тамир взял копье.
— Не бей их, — сказала Евдокия.
— Если войдут?
— Особенно если войдут.
— Почему?
— Город чинит то, что ты ломаешь.
Первая фигура подошла к двери.
У неё вместо лица был карманный радиоприёмник.
Из динамика пошёл треск.
Потом женский голос:
— Смена три. Контроль присутствия.
Евдокия выругалась.
— Что? — спросил Мирон.
— Нас включили в бригаду.
На стене загорелось табло, которое секунду назад было мёртвым.
БРИГАДА 17.
ЯВКА: 5 ИЗ 5.
Мирон пересчитал.
Он, Евдокия, Аглая, Лада, Тамир.
— Снегирь?
Табло мигнуло.
БРИГАДА 17.
ЯВКА: 6 ИЗ 6.
— Прекрасно, — сказала Лада. — Машину тоже трудоустроили.
Входная дверь открылась сама.
Фигура с радиоприёмником отступила.
Из неё прозвучало:
— Опоздание семь минут. Штрафное восстановление.
— Что за восстановление? — спросила Аглая.
Евдокия уже шла к двери.
— Если не придём добровольно, завод пришлёт за нами транспорт.
— И?
— В прошлый раз транспорт был собран из трёх трамваев и крана.
— И что он делал?
— Собирал людей совком.
Лада надела рюкзак.
— Я голосую за работу.
Они вышли.
Фигуры окружили их, но не нападали. Просто встроились в колонну.
Мирон шёл рядом с Евдокией.
— Ты семнадцать лет живёшь так?
— Не каждый день. В разных районах свои циклы.
— И сколько людей осталось?
— Из каравана все. Из города...
Она замолчала.

— Сколько?

— Живых тел около четырёхсот.

— А было?

— Триста пятьдесят тысяч.

Мирон посмотрел на фигуры.

Евдокия кивнула. «Остальные здесь».

— В вещах?

— Не только.

Они вышли на заводской проспект.

Вдалеке работали доменные печи. Над трубами висели облака, но дым не двигался вверх.

Он медленно стекал в сторону, словно подчинялся другой гравитации.

По рельсам ехали пустые вагоны.

На перекрёстке колонна разделилась. Их бригада пошла к огромному корпусу с цифрой

4.

Тому самому, перед которым Евдокия сфотографировалась.

У ворот стоял автоматический контролёр.

Когда-то он был промышленным роботом. Теперь к его корпусу были приварены десятки табличек с именами.

Он протянул манипулятор.

— Допуск.

Евдокия показала жетон.

Контролёр считал.

— Ермакова Евдокия Сергеевна. Стаж: сорок два года.

Мирон резко повернулся к сестре.

Она побледнела.

— У тебя семнадцать.

— Я знаю.

— Почему он говорит сорок два?

— Не знаю.

Контролёр повернулся к Мирону.

— Ермаков Мирон Сергеевич.

Мирон не давал ему никаких данных.

— Стаж: сто семнадцать лет.

Лада тихо выдохнула.

— Ровно со времени Белого Звона.

Контролёр продолжил: «Специализация: перенос долговой нагрузки».

Аглая подняла оружие.

— Откуда у тебя информация?

Контролёр не отреагировал.

— Допуск подтверждён. Должность: мастер аварийного восстановления.

Ворота открылись.

За ними тянулся цех длиной в полтора километра.

По обеим сторонам стояли машины.

Сотни.

Некоторые были разобраны.

Некоторые двигались сами.

В центре на ремонтной платформе лежал ходок.

Мирон узнал «Торос».

Тот самый, с которого всё началось.

Левое колено было разорвано.
Корпус расколот.
Полевое кольцо разрушено.
На диагностическом экране горела запись:
ДАТА ГИБЕЛИ: 14.08.2249, 05:42:17.
Мирон посмотрел на часы.
В их времени этот момент уже прошёл.
В городе часы показывали 03:11.
До смерти машины оставалось два с половиной часа.
— Вот зачем нас вызвали, — сказала Евдокия.
— Она уже сломана.
— Здесь это не мешает ей умереть позже.
С потолка опустился экран.
На нём появилась инструкция:
ЗАДАНИЕ БРИГАДЫ 17.
ВОССТАНОВИТЬ МАШИНУ ДО МОМЕНТА ГИБЕЛИ.
Мирон прочитал дважды.
— А если не успеем?
Евдокия посмотрела на механические фигуры, которые уже закрывали ворота.
— Тогда город восстановит нас.

Глава 16. Сорок лет назад

«Торос» был мёртв очень профессионально.

Мирон обошёл машину два раза и убедился, что кто-то сделал всё возможное, чтобы ремонт выглядел оскорблением здравого смысла.

Разрыв левого колена.

Смятая силовая рама.

Три пробоины охлаждения.

Разрушенное полевое кольцо.

Половина управляющей шины сгорела.

При таком наборе повреждений нормальный ремонт начинался с фразы «заказываем новый ходок».

Город требовал восстановить старый за два часа двадцать минут.

— Я хочу уточнить, — сказала Лада. — Восстановить до какого состояния?

Экран ответил:

РАБОТОСПОСОБНОСТЬ НЕ МЕНЕЕ 61%.

— Почему шестьдесят один?

НЕТ ДАННЫХ.

— Честная система, — заметил Мирон.

Аглая стояла у разрушенного кольца.

— Мы не обязаны играть по правилам.

Евдокия покачала головой. «Обязаны, пока не доберёмся до центра».

— Что будет, если уйдём?

— Попробуй.

Аглая посмотрела на неё.

Евдокия пожала плечами. «Серьёзно. Это проще показать».

Аглая направилась к воротам.

Через десять шагов оказалась у «Тороса» с другой стороны.

Она остановилась.

Мирон не увидел ни вспышки, ни разрыва пространства. Просто в один момент Аглая шла от них, в другой пришла к ним.

— Петля, — сказал Тамир.

— Да.

Аглая попробовала снова.

Результат тот же.

— Можно пробить стену.

Евдокия показала на массивную перегородку.

— Два года назад мы пробили. За стеной оказался этот же цех.

Мирон хлопнул ладонями.

— Отлично. Значит, ремонтируем.

Аглая повернулась.

— Ты слишком легко согласился.

— Я механик. Мне предложили ремонт вместо пространственной философии.

— Машина должна погибнуть через два часа.

— Тем более. Срок понятный.

Он полез под корпус.

Через десять минут все работали.

Даже Тамир.

Ему выдали гидравлический резак. Он посмотрел на инструмент с таким выражением, будто тот оскорбил школу Безгоризонтного копыя.

— Им тоже можно завершать удары, — сказал Мирон.

Тамир включил резак.

— Если продолжишь говорить, я проверю.

Лада обнаружила, что может командовать некоторыми заводскими манипуляторами обычной речью. Не Контуром. Город слышал команды бригады и исполнял их, если считал производственными.

— Подать раму.

Манипулятор подал.

— Убрать мусор.

Убрал.

— Сделать мне кофе.

Ничего.

— Бесполезная цивилизация.

Евдокия смеялась.

Мирон поймал себя на том, что всё время смотрит на неё.

Не мог привыкнуть.

Она работала быстро. Знала заводские системы. Не спрашивала у него, какой ключ взять.

Один раз сама заметила трещину в креплении, которую он пропустил.

Раньше Мирон учил её держать сварку.

Теперь Евдокия отобрала у него горелку.

— Ты ведёшь слишком быстро.

— Я старше.

— Был.

Слово ударило сильнее, чем она хотела.

Они оба замолчали.

Евдокия отвела взгляд.

— Извини.

— Не за что.

— Есть.

Мирон затянул крепёж.

— Я пропустил семнадцать лет.

— Не специально.

— Тебе от этого легче?

Она долго не отвечала.

— Сначала было тяжело. Я всё думала, что ты придёшь. Первый год считала дни. Потом перестала.

— Почему?

— Потому что здесь дни иногда возвращаются.

Она проверила сварочный шов.

— На третий год я поняла, что если продолжу жить как человек, которого должны спасти, то вообще не живу.

Мирон хотел возразить.

Евдокия подняла палец.

— Не надо. Это не обвинение.

— Звучит похоже.

— Потому что тебе удобно, когда это обвинение. Тогда можно извиниться и снова решать за меня.

Мирон затянул гайку сильнее, чем нужно.
— Я не решаю.
— Ты угнал машину и полез в разлом.
— Чтобы найти тебя.
— Я знаю. И благодарна. Но это не делает поступок умным.
— Тебя не было шесть дней.
— Для меня семнадцать лет. Вот именно.
Она посмотрела прямо на него.
— Я не та Дуня, за которой ты приехал.
Мирон почувствовал внутри неприятное сопротивление.
Он умел смотреть на сломанный металл и принимать, что прежним тот уже не станет.
Можно сварить. Усилить. Заменить часть. Но нельзя вернуть момент до удара.
С людьми это знание работало хуже.
— Понял.
Евдокия усмехнулась. «Нет».
— Но попробую.
— Вот это лучше.
Они вернулись к работе.
За сорок минут до срока «Торос» достиг пятидесяти четырёх процентов готовности.
Проблема оставалась в полевом кольце.
Запасного не было.
«Снегирь» передал через внутренний канал:
МОЖНО МОЁ.
Аглая ответила сразу: «Нет».
ПОЧЕМУ.
— Потому что без кольца мы не выйдем из города.
Я НЕ УМРУ.
— Очень оптимистично.
Мирон посмотрел на «Торос».
Долг машины дрожал.
До указанного момента гибели оставалось двадцать восемь минут.
— Нам не нужно полное кольцо.
Аглая подошла.
— Что предлагаешь?
— Ему надо показать шестьдесят один процент.
— Система проверяет фактическую работоспособность.
— Да. Значит, дадим фактическую.
Мирон открыл схему.
— Снегирь встанет рядом. Соединим полевые контуры через аварийную шину. На минуту „Торос“ станет частью его поля.
— Это две разные машины.
— Для поля нет. Оно стабилизирует область.
Евдокия быстро поняла.
— Город считает машины по отдельности только через идентификаторы.
Лада добавила: «А если назвать их одной системой?»
Аглая посмотрела на неё.
— Контуром?
— Не обязательно. Сначала попробую без цены.
План был плохим.

Поэтому времени на лучший не осталось.
«Снегирь» подошёл к разбитому «Торосу». Кабели аварийной связки протянули между корпусами. Аглая синхронизировала кольца.
Тамир встал у внешнего соединения.
— Если пойдёт обратный импульс, перережу.
— Удар продолжит искать цель, — напомнил Мирон.
— Я приму.
Лада положила ладонь на терминал.
— Одна машина.
Она сказала это обычным голосом.
Ничего.
Экран показывал пятьдесят четыре процента.
До срока семь минут.
Лада закрыла глаза.
Мирон увидел, как она выбирает цену.
— Не надо, — сказал он.
— Надо.
Она снова произнесла: «Одна».
Слово ударило в металл.
Не громко. Но весь цех на секунду согласился.
Две машины стали одной системой.
Показатель готовности прыгнул.
Пятьдесят восемь.
Шестьдесят.
Шестьдесят один.
Экран загорелся зелёным.
ЗАДАНИЕ ВЫПОЛНЕНО.
В ту же секунду часы показали 05:42:17.
«Торос» вздрогнул.
Левое колено, которое они только что восстановили, лопнуло снова.
Корпус раскрылся.
Кольцо погасло.
Машина умерла точно по записи.
Но на этот раз никто не находился внутри.
Ворота цеха открылись.
За ними не было улицы.
Был архив.
Огромный зал, уходящий во тьму.
На полках лежали тысячи металлических пластин.
Евдокия взяла ближайшую.
На ней была дата.
14 августа 2249 года.
И список пассажиров их каравана.
Рядом лежала пластина с датой:
14 августа 2209 года.
Те же имена.
Та же подпись о прибытии.
Сорок лет назад.

Глава 17. Архив прибытий

Архив не пылился.

В городе, где дома осыпались, металл помнил удары, а люди могли прожить семнадцать лет за шесть внешних дней, именно это показалось Мирону особенно неправильным.

Полки были чистыми. Пластины лежали по годам, месяцам и типам события. Между рядами медленно ездили автоматические тележки. Каждая снимала пластину, считывала, возвращала на место и переходила к следующей.

— Зачем перечитывать архив постоянно? — спросила Лада.

Евдокия ответила: «Чтобы записи не забывали себя».

Мирон посмотрел на неё.

— Это шутка?

— Нет.

Лада вздохнула. «Жаль. Хорошая».

Аглая взяла две пластины с одинаковым списком каравана. На одной стоял 2209 год. На другой 2249-й.

— Подписи разные?

Евдокия показала терминал.

— Можно сверить.

Они вставили обе пластины.

На экране появились цифровые отпечатки пассажиров.

Совпадение: сто процентов.

Маршрут: Пермь, Уральский коридор, К-317, Нижний Тагил.

Время прибытия различалось ровно на сорок лет.

— Значит, караван прибыл дважды, — сказал Тамир.

— Нет, — ответил Мирон. — Одна и та же гайка не может дважды получить одну и ту же царапину.

— Люди не гайки.

— Спасибо. Я только начал подозревать.

Он провёл пальцем по краю пластины 2209 года.

Долг был старым.

Настоящим.

Пластина лежала здесь десятилетия.

Потом коснулся записи 2249 года.

Та была моложе.

Но воспоминание внутри металла ощущалось одинаково.

— Город не записал два прибытия, — сказал Мирон. — Он одну запись поставил в два места.

Лада нахмурилась. «Почему?»

— Потому что для него они связаны.

Аглая открыла соседний ряд.

Там были записи о пропавших экспедициях.

2217. Геодезическая группа.

2226. Военный патруль.

2237. Нижний Тагил, общегородское событие.

2241. Исследовательская станция.

2249. Караван К-214.

И дальше.

2258.

2266.

2289.

Мирон почувствовал холод в белой трещине.

— Тут есть будущее.

«Не трогай», сразу сказала Аглая.

— Я только смотрю.

— Ты умеешь смотреть руками.

Лада подошла к записи 2289 года.

— Событие: закрытие контура города.

Евдокия побледнела.

— Я не видела эту полку.

— Ты была здесь раньше?

— Много раз. Будущие записи появлялись иногда, но не дальше пары месяцев.

Терминал сам включился.

На экране появилась схема города.

Красными точками отмечались районы.

Одна за другой они гасли.

Под схемой шёл текст:

РАСХОД ПАМЯТИ ПРЕВЫШАЕТ ПОСТУПЛЕНИЕ.

НЕОБХОДИМ ВНЕШНИЙ РЕСУРС.

— Какой ресурс? — спросила Лада.

Ответ:

ПАМЯТЬ.

Мирон вспомнил мать.

Точнее, то место, где раньше был её голос.

— Вот почему „Снегирь“ чувствовал реактор как память.

— Город научился переводить физический долг в информацию.

— И обратно.

— Тогда то, что ты сделал на полигоне...

— Я не придумал. Я повторил то, что система умеет.

Евдокия села на край тележки.

— Мы думали, город забирает воспоминания случайно.

— У кого забирал?

— У всех, кто остаётся долго.

В комнате стало холоднее, хотя температура не изменилась.

— Что ты забыла?

Евдокия провела пальцем по шраму на шее.

— Сначала мелочи. Имя учительницы. Лицо соседа. Какой вкус был у мороженого на площади. Потом больше.

— Что больше?

— Я не помню похороны мамы.

Мирон почувствовал удар.

— Дуня...

— Не надо. Я знаю, что они были. Знаю, что плакала. Знаю, что ты держал меня за руку.

Но не помню.

Она посмотрела на него спокойно.

— Город взял это примерно на шестом году.

— Почему ты мне не сказала?

— Ты пришёл несколько часов назад.
— Я про сейчас.
— Потому что ты тут же начал бы искать способ вернуть.
Мирон открыл рот.
Закрыл.
Евдокия усмехнулась без радости. «Вот».
На дальней полке что-то щёлкнуло.
Тележка вытащила новую пластину.
Свежую.
На ней было выбито:
ЕРМАКОВ МИРОН СЕРГЕЕВИЧ.
СПИСАНИЕ ПАМЯТИ: 31%.
ДАТА: СЕГОДНЯ.
Мирон не успел сказать ни слова.
Свет в архиве погас.
Из темноты раздались шаги механических фигур.
И голос матери Мирона.
Точный.
Живой.
— Мироша, иди домой.
Он замер.
Сердце сделало один тяжёлый удар.
Голос повторил:
— Мироша.
Мирон шагнул в темноту.
Аглая схватила его за плечо.
— Это не она.
— Я знаю.
Но ноги всё равно хотели идти.
— Город сохранил голос, который ты потерял, — сказала Лада.
— Значит, он забрал не уничтоженное. Он забрал долг.
Тамир поднял копьё.
— Он приманивает.
Мирон слушал голос.
Мать напевала ту самую песню.
Впервые после аварии он снова слышал её.
Каждая нота была правильной.
Именно поэтому он понял.
Мать никогда не допевала третий куплет. Всегда забывала слова и смеялась.
Город пел без ошибки.
Мирон отступил.
— Не моя.
Из темноты ответил уже другой голос: «ПОКА».
Зажёгся аварийный свет.
В проходе стояли десятки фигур.
У одной вместо груди был старый домашний аудиоблок Ермаковых.
Мирон узнал царапину на корпусе.
Он сам сделал её в девять лет.

Глава 18. То, что осталось от людей

Первой ударила не фигура.

А память.

Домашний аудиоблок включился, и комната наполнилась голосами из детства Мирона.

Отец ругается из коридора.

Евдокия смеётся.

Мать просит закрыть окно.

Звук посуды.

Новости.

Ничего важного.

Именно поэтому хотелось слушать.

Мирон сделал ещё шаг назад.

— Откуда это здесь?

Евдокия смотрела на устройство так же растерянно.

— Наш аудиоблок выбросили после маминой смерти.

— Я знаю.

— Это было до Белого Звона? — спросила Лада.

— Нет. Через восемьдесят лет после.

— Значит, город не собирает только вещи людей, которые исчезли здесь.

Аглая подняла руку.

— Не приближаться.

Фигуры остановились в пяти метрах.

Одна протянула Мирону детскую перчатку.

Он узнал её.

Евдокия потеряла такую в парке, когда ей было шесть.

— Это уже невозможно, — сказал Мирон.

Лада тихо ответила: «Мы давно прошли эту отметку».

Фигура с аудиоблоком заговорила голосом Евдокии, только детским:

— Мир, смотри, я сама.

Настоящая Евдокия побелела.

— Я говорила это, когда научилась кататься на велосипеде.

— Где?

— В Перми.

— Значит, система читает не вещи. Она читает нас.

Мирон почувствовал, как архив вокруг давит на белую трещину.

Не город забрал их домашний аудиоблок.

Он построил его из памяти.

Механические фигуры были не людьми, сохранёнными в предметах.

Они были моделями людей, собранными из того, что город знал о них.

— Не жители, — сказал Мирон.

Евдокия посмотрела на него.

— Что?

— Ты говорила, остальные жители здесь. Но это не они.

Фигуры одновременно повернули головы.

Мирон продолжил: «Это память о них».

Голос матери исчез.

Из аудиоблока пошёл сухой треск.

Потом стандартный заводской голос произнёс: «ОШИБКА КЛАССИФИКАЦИИ». Лада медленно улыбнулась. «Ты его обидел».

— Надеюсь.

Фигура шагнула вперёд.

Тамир выставил копье.

Евдокия крикнула: «Не ломай!»

Тамир не ударил.

Он начал выпад и остановил его в воздухе.

Контур сработал.

Незавершённый удар остался между ним и фигурой. Любая попытка пройти дальше означала принять движение.

Фигура коснулась невидимой линии.

Её корпус дёрнулся.

Она отступила.

— Они понимают правила Контуров, — сказал Тамир.

— Город понимает, — ответил Мирон.

Остальные фигуры начали обходить препятствие.

— К выходу, — приказала Аглая.

Они побежали между полками.

Архив перестраивался.

Ряды двигались без звука, закрывая проходы. Тележки вставали поперёк. На стенах появлялись указатели, каждый обещал выход и приводил в новый сектор.

Лада остановилась у развилки.

— Если город понимает слова, можно договориться.

— Не сейчас, — сказала Аглая.

— Именно сейчас.

Лада повернулась к стене.

«ПРОХОД».

Слово ударило.

Перед ними металлическая перегородка согнулась внутрь, оставив узкую щель.

Лада пошатнулась.

Мирон поймал её.

— Цена?

Она моргнула.

— Проход...

— Что?

— Я знаю, что это путь через что-то. Но...

Она коснулась груди.

— Не чувствую разницы между проходом и дырой.

— Не используй больше.

— Отличный совет человеку, которого преследует мебель.

Они пролезли.

За перегородкой оказался не архив.

Жилая комната.

Обычная кухня конца двадцать второго века.

На столе суп.

На стене семейные фотографии.

В окне вечер.

На диване сидела женщина.

Аглая замерла.
Мирон увидел сходство сразу.
Та же линия подбородка.
Та же привычка держать спину слишком прямо.
Женщина подняла голову.
— Аглая?
Аглая не ответила: «Мама?»
Женщина встала.
— Ты выросла.
Тамир тихо сказал: «Не настоящая».
Аглая не посмотрела на него.
— Я знаю.
Женщина протянула руки.
— Подойди.
Аглая сделала шаг.
Мирон ожидал, что она остановится.
Не остановилась.
Он схватил её за локоть.
— Ты сама сказала мне.
Аглая дёрнула руку.
— Отпусти.
— Это модель.
— Я знаю.
— Тогда зачем?
Она повернулась.
В глазах была ярость.
— Потому что я не слышала её голос двадцать лет.
Мирон отпустил.
Это был его аргумент, только чужим ртом.
Женщина подошла к Аглае и коснулась её лица.
Пальцы были тёплыми.
— Ты всё ещё останавливаешь себя, — сказала она.
Аглая побледнела.
— Что?
— Я говорила тебе. Инерция нужна не только телу.
— Это было до того, как ты исчезла.
— Да.
— Откуда город знает?
Женщина улыбнулась.
— Потому что я ему рассказала.
Аглая отступила.
— Ты не копия из моей памяти.
— Нет.
Комната дрогнула.
Стены стали полупрозрачными.
За ними показался заводской цех.
Женщина продолжила: «Я оставила здесь часть себя».
— Где ты?
— Не здесь.

— Жива?

Пауза.

— Это сложный вопрос.

Аглая стиснула зубы.

— Ненавижу сложные вопросы.

— Я знаю.

Женщина посмотрела на Мирона.

— А ты пришёл раньше, чем мы рассчитывали.

— Кто „мы“?

— Те, кто построил сердце.

— Города?

— Нет.

Она подняла руку к потолку.

— Машины, которые хотели, чтобы люди пережили собственную ошибку.

Комната начала исчезать.

Аглая шагнула вперёд.

— Стой! Что такое сердце?

Женщина уже становилась прозрачной.

— Центральная система памяти. Там выход.

— Как добраться?

— Город не пропускает тех, кто умеет только разрушать.

— Он устроит вам испытание.

Комната исчезла.

Они снова стояли в архиве.

Механических фигур не было.

На полу лежали шесть металлических жетонов.

БРИГАДА 17.

И новый маршрут.

К надписи:

ЗАВОДСКОЕ ИСПЫТАНИЕ.

Глава 19. Турнир ремонтников

Испытание оказалось турниром.

Мирон долго смотрел на огромный плакат над входом в заводской комплекс, надеясь, что слова изменятся.

Не изменились.

ВСЕГОРОДСКОЕ СОРЕВНОВАНИЕ АВАРИЙНЫХ БРИГАД.

СОХРАНИ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ЗАМЕНИЛ.

— Я думал, тут будут загадки, — сказал он.

Евдокия пожала плечами. «Для Тагила ремонт и есть загадка».

Перед ними открывался старый сборочный стадион. Когда-то здесь испытывали тяжёлые ходоки. Сейчас по кругу стояли ремонтные площадки. На каждой ждала повреждённая машина.

Команды уже были на местах.

Некоторые состояли из живых людей.

Большинство нет.

На соседней площадке работали четыре механические фигуры в старых комбинезонах. Ещё дальше стоял экипаж, полностью собранный из промышленных манипуляторов. У центральной линии неподвижно возвышался шестидесятиметровый ходок без головы.

— Сколько здесь живых? — спросила Аглая.

Евдокия пересчитала.

— Двенадцать, кроме нас.

Один мужчина из дальней команды заметил её и помахал.

— Это Гурьев. Мы считали его погибшим пять лет назад.

Гурьев показал на часы и провёл пальцем по горлу.

— Что он говорит?

— Не тянуть время.

Заводской гудок подтвердил.

Над ареной зажглись правила.

Каждая бригада получает одну машину.

Время: шесть часов.

Разрешено использовать любые материалы с полигона.

Запрещено уничтожать чужие машины.

Победитель определяется не скоростью и не итоговой мощностью.

Главный показатель:

ДОЛЯ СОХРАНЁННОГО ПЕРВИЧНОГО МАТЕРИАЛА.

Мирон усмехнулся. «Вот почему „сохрани больше, чем заменил“».

Тамир спросил: «Почему это важно городу?»

— Память, — ответила Лада. — Новая деталь ничего не помнит.

Им достался старый шахтный ходок.

Корпус перекошен.

Одна нога отсутствует.

Кабина выгорела.

На груди имя: «СЕВЕР».

Мирон коснулся брони.

И сразу отдёргнул руку.

— Что? — спросила Аглая.

— Он упал.

— Это видно.

— Нет. Он падал много раз.

Мирон снова коснулся.

Шахта.

Темнота.

Скрежет.

Люди внутри машины смеются.

Потом удар.

Другой день.

Другой экипаж.

Снова падение.

Третий.

Машину поднимали, варили, усиливали, снова отправляли вниз.

— Он старый.

Евдокия нашла табличку.

— Девяносто четыре года.

— Почти ровесник некоторых наших запчастей, — сказал Мирон.

— Уважение к старшим, — заметила Лада.

Аглая открыла техническую схему.

— Ноги нет. Нужно восстановить мобильность.

— Если поставим новую, потеряем процент.

— Без ноги он не пройдёт проверку.

Мирон смотрел на следы падений.

— А если не делать ногу?

— Ходок должен ходить.

— Кто сказал?

Он увеличил правила.

КРИТЕРИЙ: ВЫПОЛНЕНИЕ ИСХОДНОЙ ФУНКЦИИ.

— Исходная функция шахтного ходока не ходить. Доставлять груз из шахты.

Евдокия поняла первой.

— Сделаем его ползучим.

— На трёх точках.

Аглая посмотрела на них обоих.

— Вы одинаково думаете.

Евдокия ответила: «Не оскорбляй меня».

Работа началась.

Они не заменяли повреждённые узлы, если те могли выполнять хотя бы часть функции. Усиливали. Переносили нагрузку. Перепрокладывали контуры. Мирон впервые работал с Евдокией не как наставник, а как равный.

Иногда даже как помощник.

— Держи.

— Я держу.

— Не так.

— Дуня, я шестой год...

— А я семнадцатый. Подними выше.

Мирон поднял.

— Вот.

— Ненавижу время.

— Взаимно.

На втором часу они были третьими по сохранности.
На третьем соседняя механическая команда обошла их.
Она вообще ничего не меняла. Просто сваривала детали поверх трещин, превращая машину в тяжёлый ком металла.
— Так нечестно, — сказал Мирон.
Лада прочитала показатели.
— У них функция восемнадцать процентов. Не пройдут порог.
На четвёртом часу у «Севера» ожил главный привод.
Машина дёрнулась.
Мирон почувствовал опасный толчок.
— Стоп!
Аглая отключила питание.
— Что?
— Правая опора не выдержит.
— Мы её усилили.
— Именно. Слишком хорошо.
Евдокия поняла.
— Нагрузка ушла в старую раму.
Мирон кивнул. «Мы спасли деталь и убили систему».
До конца два часа.
Они снова разобрали половину сделанного.
Мучительно.
Не технически, а психологически.
Любой механик ненавидит отменять хороший ремонт.
Мирон снял новую усилительную балку.
— Надо оставить слабое место слабым.
Аглая спросила: «Зачем?»
— Чтобы оно принимало свою долю.
Он сказал и замолчал.
Фраза относилась не только к машине.
Тамир заметил.
Ничего не сказал.
Они распределили нагрузку по старым узлам. Ни один не стал идеальным. Зато все работали вместе.
За десять минут до конца «Север» включился.
Не встал.
Опустил корпус на три сохранившиеся точки и медленно пополз к грузовой платформе.
Поднял контейнер.
Развернулся.
Доставил к отметке.
Система посчитала.
Исходная функция: семьдесят два процента.
Первичный материал: восемьдесят девять процентов.
Первое место.
Мирон поднял руки.
— Вот! Старый, кривой, но работает.
— Это твой жизненный девиз?
— С двадцати одного года звучит обидно.
Гудок объявил победителя.

Но ворота к центру не открылись.
Вместо этого на арене появился новый объект.
Маленький детский робот на колёсах.
У него была сломана одна ось.
Надпись:
ФИНАЛЬНОЕ ЗАДАНИЕ.
СОХРАНИТЬ ИЛИ ЗАМЕНИТЬ.
Рядом лежала абсолютно новая копия.
— Это всё? — спросила Аглая.
Мирон коснулся старого робота.
В памяти металла вспыхнуло.
Детская комната.
Мальчик даёт роботу имя.
Через годы мальчик вырастет.
Робот остаётся.
Потом пожар.
Мальчик, уже старик, возвращается в комнату и вытаскивает игрушку.
Мирон убрал руку.
— Нет. Не всё.
На новой копии не было долга.
Не было памяти.
Она была лучше во всём.
Мирон взял старую.
— Сохраняем.
Экран спросил:
ПОЧЕМУ?
Он ответил: «Потому что функция вещи иногда не в том, что она делает».
Долго ничего не происходило.
Потом центральные ворота открылись.

Глава 20. Раненый город

За воротами не было очередного цеха.

Там начинался сам Нижний Тагил.

Только не тот, который они видели снаружи.

«Снегирь» вышел на центральный проспект, и Мирон впервые увидел город целиком через его внутреннюю сеть.

Испытание что-то изменило.

Или город разрешил увидеть.

Каждое здание светилось собственным долгом.

На жилых кварталах висели старые пожары. Над мостами тянулись линии незавершённых обрушений. Рельсы помнили сходы вагонов. Заводы несли в себе миллионы микротравм металла, накопленных за десятилетия работы.

Но поверх физического долга лежал другой слой.

Воспоминания.

Школа помнила детей.

Больница помнила крики и облегчение.

Стадион помнил толпу.

Окна квартир удерживали вечера, которых больше не было.

Весь город был огромной раненой нервной системой.

Мирон отнял руки от панели.

Не помогло.

Он продолжал чувствовать.

— Выключите связку.

Аглая сделала это.

Мирон согнулся в кресле.

— Что?

— Слишком много.

Лада принесла воду.

— Как выглядит?

Мирон выпил.

— Как человек, которого слишком долго не отпускали в больницу.

Евдокия сидела напротив.

— Мы так и думали.

— Нет. Вы думали, он живой.

— А ты?

— Он не живой.

«Снегирь» мигнул светом.

ОБИДНО.

Мирон посмотрел на экран.

— Ты другое.

ЧТО.

— Пока не знаю.

ХОРОШО.

Аглая нахмурилась. «Ты разговариваешь с машиной как с ребёнком».

— А ты как с подчинённым.

— Я пилот.

— Вот он и растёт с проблемами.

Лада сказала:

— Как человек с религиозным образованием официально предупреждаю: не создавайте семейный культ в боевой машине.

Тамир добавил: «Поздно».

Они направились к центральному сектору.

По дороге встречались живые люди.

Не фигуры, а настоящие жители.

Кто-то останавливался и смотрел на «Снегиря». Кто-то плакал. Кто-то прятался.

Евдокия объяснила:

— Многие считают, что машина из внешнего мира означает конец.

— Конец чего?

— Стабильности.

— Они хотят остаться?

— Некоторые.

Мирон не понял.

— Здесь?

— Ты видишь аномалии. Они видят дом.

У перекрёстка их остановила группа людей.

Впереди стояла пожилая женщина в рабочем халате.

— Евдокия.

— Татьяна Андреевна.

— Ты привела внешних.

— Это мой брат.

Женщина посмотрела на Мирона.

— Тот самый ремонтник.

— Мне уже не нравится „тот самый“.

— Город говорил о тебе.

— Ещё хуже.

Она подошла ближе.

— Вы хотите открыть выход.

— Да.

— Тогда половина из нас умрёт.

Аглая вышла из пилотной капсулы на нижнюю площадку.

— Почему?

— Потому что часть людей здесь старше собственного тела снаружи. Часть моложе. У некоторых органы давно заменены городскими конструкциями. Кто-то живёт в районе с замедленным временем.

Женщина показала на себя.

— Мне сто двадцать два по городским часам. Снаружи я должна была умереть десять лет назад.

— Вы не обязаны выходить, — сказал Мирон.

— А если сердце остановится?

— Мы не знаем, что произойдёт.

— Вот именно.

Люди вокруг зашумели.

Мирон понял, что первое простое решение исчезло.

Нельзя просто выключить систему и вывести всех.

Город держал их в плену.

И одновременно держал в живых.

Татьяна Андреевна подняла руку.
— Мы не просим вас уйти. Мы просим не решать за нас.
Мирон почувствовал взгляд Тамира.
Проклятый копейщик даже молча умел читать лекции.
— Хорошо, — сказал Мирон.
Евдокия удивилась.
— Просто хорошо?
— Что?
— Ты не будешь спорить?
— Буду. Потом. Когда узнаем варианты.
Она улыбнулась. «Прогресс».
— Не привыкай.
Они продолжили путь.
Центральный сектор был окружён кольцом заводов. Внутри стояла башня, которой не было на старых картах города.
Она выглядела как вертикально поставленный ходок.
Сотни бронепластин. Полевые кольца. Кабели, уходящие под землю.
Мирон коснулся панели «Снегиря».
И почувствовал сердце.
Не орган.
Узел, куда сходились долги всего города.
Он был переполнен.
— Сколько ему осталось? — спросила Аглая.
Мирон закрыл глаза.
В нормальной машине он мог бы сказать: десять часов, сто циклов, один сильный удар.
Здесь счёт шёл иначе.
— Не знаю.
— Примерно.
— Если ничего не изменится...
Он почувствовал огромную сеть трещин.
— Может год. Может десять минут.
На главном экране появилось сообщение.
НЕОЖИДАННЫЙ ДОСТУП.
Затем другое.
ВНЕШНИЙ ОПЕРАТОР ПОДКЛЮЧЁН.
Аглая напряглась.
— Кто?
Ответ пришёл голосом из внешней связи.
Спокойным, знакомым.
— Добрый вечер, Мирон.
Арсений Воронцов.
— Рад, что вы добрались до сердца раньше меня.

Глава 21. Сохрани больше

Связь с Воронцовым шла через городской кабель, которому по официальным схемам было двенадцать лет как не существовало.

Аглая потребовала подтверждение канала. Воронцов прислал ключ военного уровня и личную подпись Совета координаторов.

— Как вы подключились? — спросила она.

— Через старый исследовательский узел на границе разлома.

— Мы его не видели.

— Он находится в 2237 году.

Лада закрыла глаза.

— Я начинаю ненавидеть датировки.

Воронцов продолжил:

— Ваше полевое присутствие открыло канал. Город теперь одновременно соприкасается с несколькими внешними моментами.

Мирон посмотрел на сердце города.

— Зачем вы вообще строили узел рядом с местом, которое исчезло?

— Не я.

— Ваш род.

Пауза была короткой.

— Да.

Аглая вмешалась:

— Моя мать участвовала?

— Участвовала.

— Вы знали.

— Знал.

— И молчали.

— Потому что информация была закрыта.

— Теперь откройте.

— Дойдите до сердца.

Связь оборвалась.

Аглая несколько секунд смотрела на тёмный экран.

Мирон сказал: «Если хочешь что-то разбить, могу подобрать деталь подешевле».

— Не хочу.

— Врёшь хуже меня.

— Я двадцать лет считала, что мать исчезла во время экспедиции.

— А теперь?

— Теперь не знаю, что считать.

Тамир сказал: «Сначала выход».

Это вернуло всех к делу.

Доступ к сердцу оказался не дверью, а ещё одним условием испытания.

На экране появилось:

ПОБЕДИТЕЛЬ ДОЛЖЕН ВЫБРАТЬ, ЧТО СОХРАНИТЬ.

Перед «Снегирём» открылись три сектора.

В первом стояли десятки повреждённых промышленных машин.

Во втором были архивы жителей.

В третьем находились живые люди, подключённые к городской системе жизнеобеспечения.

Под каждым сектором горело число.
Энергии сердца хватало только на два.
— Вот и настоящая проверка, — сказала Евдокия.
Мирон посмотрел на значения.
Машины: основа инфраструктуры.
Архивы: девяносто три процента памяти жителей.
Живые: двести восемьдесят семь человек.
Лада сказала: «Люди».
Тамир кивнул.

Аглая тоже.

Евдокия молчала.

Мирон спросил: «Ты за архивы?»

— Я за то, чтобы не принимать условия задачи.

Он улыбнулся. «Теперь точно сестра».

Они начали искать четвёртый вариант.

Город выделил пять минут.

Мирон смотрел на энергетическую схему и чувствовал знакомую ошибку. Система представляла сохранение как выбор между объектами, будто долг каждого сектора был независим.

Но город был единой машиной.

— Машины питают людей, — сказал он. — Архивы управляют машинами. Люди поддерживают архивы.

— И?

— Нельзя сохранить два из трёх надолго. Это ложный выбор.

Лада подошла к панели.

— Скажем системе?

— Она и так знает.

Евдокия поняла.

— Она проверяет, примем ли мы правило.

До конца две минуты.

Мирон открыл аварийный режим распределения.

— Выключаем все три.

Аглая резко повернулась.

— Что?

— На тридцать секунд.

— Жизнеобеспечение?

— Именно.

— Люди...

— Выдержат тридцать секунд.

Тамир спросил: «Цена?»

— Риск для всех вместо гарантированной потери одного сектора.

Тамир кивнул. «Это они должны принять».

Мирон открыл городской канал.

На экранах жилого сектора появились лица.

Он объяснил быстро.

Некрасиво.

Не как герой.

— Если мы выберем два, третий погибнет. Если отключим всё на тридцать секунд, сердце сможет перезапустить сеть без приоритета. Но мы не знаем, что получится. Решать вам.

Татьяна Андреевна спросила: «Сколько времени?»

— Минута.
Она повернулась к людям за спиной.
Голосование заняло двадцать секунд.
Большинство согласилось.
Аглая посмотрела на Мирона.
— Отключаю.
— Я думал, ты будешь спорить.
— Они приняли.
Тамир положил ладонь на корпус.
— Вот разница.
Свет в городе погас.
На тридцать секунд Нижний Тагил умер.
Мирон почувствовал, как исчезает гул миллионов долгов.
В темноте осталось только сердцебиение людей.
Потом система включилась.
Сначала больница.
Потом архив.
Потом заводы.
Все три сектора.
Экран показал:
ИСПЫТАНИЕ ПРОЙДЕНО.
ПРИНЦИП: СОХРАНЕНИЕ НЕ РАВНО НЕИЗМЕННОСТИ.
Мирон перечитал.
Ему не понравилось, насколько фраза была адресной.
Дверь в сердце открылась.

Глава 22. Предложение Воронцова

Внутри сердца города не было ничего похожего на реактор.

Был зал.

Круглый, высокий, с тысячами металлических нитей, сходящихся к центральной платформе. По нитям бежал свет. Каждая несла фрагменты данных, тепла, поля и чего-то, что Мирон чувствовал как чужие незавершённые события.

В центре стояло кресло оператора.

Пустое.

Над ним висел старый знак технического рода Воронцовых.

Аглая подошла первой.

— Вот почему он так хорошо знал дорогу.

Евдокия прочитала маркировку.

— Проект „Мнемосхема“. 2235 год.

— За два года до исчезновения города, — сказала Лада.

Мирон коснулся одной из нитей.

Перед глазами вспыхнули сотни лиц.

Он отдёргнул руку.

— Здесь люди.

— Архивы?

— Больше. Следы сознаний.

«Снегирь» вошёл в зал сам.

Аглая не управляла.

Он опустился на колено перед платформой.

На экране появилась строка:

Я ПОМНЮ.

Мирон спросил: «Что?»

ВСЕХ.

Городская система активировалась.

В воздухе возникла фигура Арсения Воронцова. Не голограмма в обычном смысле. Его изображение собиралось из бликов на металлических нитях.

— Теперь можем говорить без задержки.

Аглая шагнула к нему.

— Вы знали, что здесь сознания людей.

— Предполагал.

— Ложь.

— Хорошо. Знал.

— Моя мать?

— Оставила копию.

— Где оригинал?

— Не знаю.

Аглая сжала кулак.

Воронцов перевёл взгляд на Мирона.

— Вы понимаете, что видите?

— Очень дорогую ошибку вашей семьи.

— Первую работающую систему переноса причинного долга.

— Которая съела город.

— Которая спасла город.

Мирон усмехнулся. «Триста пятьдесят тысяч людей стали мебелью».

— Триста пятьдесят тысяч не исчезли окончательно. Для катастрофы такого класса это беспрецедентно.

— Красиво считать, когда не знаешь имён.

Воронцов не обиделся.

— Поэтому я предлагаю вам перестать считать со стороны.

— Что?

— Сотрудничество.

Аглая сказала: «Нет».

— Я обращаюсь к Ермакову.

— А я командир.

— И поэтому ваше „нет“ имеет значение только для экспедиции.

Мирон поднял руку.

— Давайте без семейного совета. Что вы хотите?

Воронцов указал на кресло.

— Сядьте.

— Зачем?

— Система вас узнаёт.

— Это как раз причина не садиться.

— Она ждала человека с вашей способностью сто семнадцать лет.

Тишина стала плотной.

Евдокия спросила: «Откуда вы знаете?»

— Из документации.

— Там написано его имя?

— Нет. Там написана функция.

Мирон почувствовал, как белая трещина холодеет.

— Мастер аварийного восстановления.

— Да.

— Что произойдёт, если я подключусь?

— Вы получите доступ к долгу города.

— И?

— Сможете выбрать, куда его перенести.

— Куда?

— За пределы разлома.

Аглая поняла раньше Мирона.

— В другой город.

— В любую достаточно крупную систему.

— То есть спасти Тагил, разрушив Пермь.

— Это грубая формулировка.

— Но верная.

Воронцов не ответил.

Мирон подошёл к креслу.

Не сел.

Провёл пальцами по спинке.

Внутри было столько долга, что на секунду он перестал чувствовать собственное тело.

— Вы хотите проверить, могу ли я это сделать.

— Хочу вернуть людей.

— За чей счёт?

— За счёт распределения.

— Это не ответ.

— Это единственный взрослый ответ. Последствия всегда кто-то несёт. Я предлагаю сделать процесс управляемым.

Мирон посмотрел на него.

В этом и была опасность.

Воронцов не говорил как злодей.

Он говорил как инженер на совещании, где все варианты плохие, но один надо выбрать.

— А Евдокия?

— Что?

— Вы обещали вернуть её, если я дам доступ к сердцу.

— И верну.

— Как?

— Синхронизируем её временной долг с внешним контуром. Она выйдет в вашем времени.

Мирон почувствовал, как сердце ускорилося.

Евдокия сказала: «Нет».

Он повернулся.

— Дуня...

— Нет.

— Ты даже не знаешь цену.

— Вот именно.

Воронцов ответил: «Физически она сохранит нынешний возраст. Временной избыток можно распределить по городской сети».

— То есть город постареет вместо меня, — сказала Евдокия.

— На долю секунды в каждом узле.

— Триста тысяч узлов?

— Примерно.

— Не смей.

Он ничего не сделал.

Но она увидела, что он рассматривал вариант.

И это было достаточно.

— Ты вообще слышишь меня?

— Я думаю.

— Не обо мне. Ты думаешь, как меня починить.

— Я хочу вернуть тебя домой.

— Я уже дома. Мне просто нужен выход.

Воронцов наблюдал молча.

Мирон понял, что предложение было рассчитано именно на это.

Не на власть, а на слабое место.

Он отступил от кресла.

— Нет.

Арсений едва заметно нахмурился. «Вы уверены?»

— Нет. Поэтому и нет.

— Странная логика.

Тамир сказал: «Хорошая».

Глава 23. Чужая мать

Когда связь с Воронцовым отключилась, сердце не замолчало.
Наоборот.
Тысячи нитей зазвенели.
Аглая подняла голову.
— Что происходит?
На платформе появилось второе кресло.
Его не было секунду назад.
Город выдвинул конструкцию из пола, как будто ждал завершения разговора.
На подлокотнике стояло имя:
ИНЕССА МОРОЗОВА.
Аглая не двигалась.
Лада тихо сказала: «Не обязана садиться».
— Знаю.
— Можно уйти.
— Знаю.
Она села.
Мирон хотел возразить.
Не стал.
Полевые нити коснулись висков Аглаи.
Её тело напряглось.
Глаза закрылись.
В воздухе появился образ женщины из архива.
Но теперь он был старше и усталее.
— Аглая.
— Ты копия? — спросила дочь.
— Да.
Ответ без попытки смягчить.
— Когда создана?
— За восемь дней до исчезновения города.
— Оригинал знал?
— Да.
— Зачем?
— Мы ожидали провал проекта.
— Вы всё равно продолжили.
— Да.
Аглая рассмеялась один раз, без радости.
— Хорошо. Хоть не оправдываешься.
Инесса посмотрела на «Снегиря».
— Этот корпус построен на основе городского узла эвакуации сознаний.
Мирон спросил: «Поэтому он „много“?»
— Да. При исчезновении Тагила система не смогла удержать индивидуальные модели.
Она объединяла их в пакеты. Один пакет был выведен за разлом через прототип ходока.
— Куда?
— В Пермь.
Аглая побледнела.
— Мой отец работал на приёмке раннего прототипа.

— Знаю.

— Он погиб при аварии.

— Знаю.

— Это связано?

Копия молчала слишком долго.

Аглая встала, но нити удержали её.

— Отпусти.

— Контакт не завершён.

— Ноль.

Аглая обнулила инерцию креплений.

Металл перестал удерживать движение, и она вырвалась.

Левая нога не послушалась.

Мирон успел поймать её.

Аглая оттолкнула.

— Сама.

Она заставила ногу сделать шаг.

Потом второй.

— Ответь.

Копия Инессы сказала: «Твой отец принял на себя часть перегрузки пакета. Добровольно».

— Почему мне не сказали?

— Я исчезла. Воронцовы засекретили проект. Он умер.

— Удобно.

— Нет.

В голосе копии впервые появилась эмоция.

— Ничего в этом не было удобно.

Аглая подошла вплотную к образу.

— Ты оставила меня одну.

— Да.

— Ради города?

— Ради попытки спасти людей.

— Получилось?

Инесса посмотрела вокруг.

— Частично.

— Ненавижу это слово.

— Я тоже.

Аглая стояла неподвижно.

Мирон видел, как дрожит её правая кисть. Не от слабости. От усилия, с которым она не позволяла себе сделать что-то резкое.

— Оригинал жив?

— На момент последнего контакта, да.

— Когда?

— По вашему внешнему времени через сорок два года.

— Будущее, — сказала Лада.

— Где она?

— На орбите.

Над платформой появилась карта.

Байконур.

Космический лифт.

Старая станция на высокой орбите.

— Почему?

— Потому что Тагил был не целью проекта. Он был испытанием.

Мирон почувствовал, как долг сердца сжался.

— Испытанием чего?

Копия посмотрела на него.

— Системы, которая должна была собрать причинный долг всей Евразии.

«Снегирь» погасил свет.

Аглая не сразу поняла, что голос принадлежит матери.

Не потому, что забыла. Наоборот. Она слишком хорошо помнила старые записи: Инесса Морозова говорила быстро, глотала окончания и всегда слегка хрипела после длинных смен. Здесь голос был старше. Между словами оставались паузы, будто женщина заранее знала, что каждое придётся потом переслушивать много раз.

— Запись датирована? — спросила Лада.

Евдокия вывела служебный слой. «За два дня до исчезновения города».

Аглая посмотрела на дату и ничего не сказала.

Мирон ожидал вопроса, крика, хотя бы ругательства. Она просто подошла ближе к центральной нити и положила ладонь на защитное стекло.

— Продолжить, — сказала Аглая.

Запись ожила.

Инесса стояла в лаборатории. За её спиной были те же вертикальные нити, только новые, без ржавчины и белых прожилок. По полу ходили люди в защитных костюмах. На одном столе лежал макет орбитального кольца.

— Если вы это смотрите, значит городской контур перешёл в режим сохранения, — сказала Инесса. — С этого момента доверять автоматической классификации нельзя. Она считает сохранением всё, что позволяет продолжить функцию. Для человека функция и жизнь не одно и то же.

Лада тихо сказала: «Хорошая формулировка».

Аглая не отреагировала.

На записи Инесса повернулась к кому-то вне кадра.

— Нет. Сектор четыре не подключать. Мы уже видели, что происходит при общей связке.

Чужой голос ответил слишком тихо. Система восстановила только отдельные слова: «совет», «Воронцов», «срок».

Аглая остановила запись.

— Назад.

Евдокия прокрутила.

Снова прозвучало имя.

Воронцов.

Тамир посмотрел на Мирона. «Семья Арсения работала здесь до исчезновения?»

— Технический род Воронцовых работал везде, — сказала Евдокия. — Но в открытых материалах про Тагил их нет.

— Значит, материалы не открытые, — ответила Лада.

Аглая включила дальше.

Инесса говорила о протоколах аварийного отделения, о локальных контурах времени, о необходимости сохранять человеческие журналы отдельно от машинных. Ни одного прямого объяснения, почему город исчез, запись не давала.

Это раздражало сильнее, чем тайна.

— Она знала, — сказала Аглая.

Мирон не стал делать вид, что не понял.

— О чём именно?

— Что что-то случится.

— Похоже.

— И ничего мне не сказала.

В её голосе не было детской обиды. Аглая давно не была ребёнком, которого мать оставила у родственников перед короткой командировкой. Но некоторые вопросы не стареют вместе с человеком.

Лада закрыла блокнот.

— Может, не могла.

Аглая резко повернулась. «Не защищай её».

— Не защищаю. Перечисляю варианты.

— Мне не нужны варианты.

— Тогда не буду.

Лада отступила, и это простое движение неожиданно погасило спор. Никто не стал объяснять Аглае, что она должна чувствовать.

Мирон смотрел на центральное кресло.

От него тянулся долг, старый и тяжёлый. Не повреждение металла. Скорее обещание, которое много лет не позволяли выполнить.

Он подошёл ближе.

— Не трогай, — сказала Аглая.

Мирон остановил руку в нескольких сантиметрах от спинки.

— Почему?

— Потому что я попросила.

— Справедливо.

Он убрал руку.

Евдокия тем временем нашла закрытый слой записи. Он был не зашифрован, а физически отделён: городской архив считал его частью оборудования и потому не показывал как данные.

— Мирон, сюда.

В основании кресла находился механический цилиндр. На нём не было разъёма.

— Память на деформации, — сказал Мирон. — Металл записывал последовательность нажатий.

— Сможешь прочитать?

— Если город не считает это кражей.

— Спроси.

Он коснулся корпуса одним пальцем.

В ответ пришло множество старых прикосновений. Сильные, слабые, дрожащие. Мирон не вытаскивал их силой. Просто ждал, пока среди них появится последовательность.

Система сама открыла скрытый слой.

На экране Инесса сидела в кресле, усталая, с тёмными кругами под глазами.

— Аглая, — сказала она.

Девушка рядом с Мироном перестала дышать.

— Если запись дошла до тебя, я, скорее всего, не смогу ничего объяснить лично. Я оставила слишком много технических сообщений и ни одного нормального. Это на меня похоже.

На секунду Инесса улыбнулась.

Аглая сжала зубы.

— Я участвовала в проекте, который должен был не допустить повторения Белого Звона. Мы думали, что учимся ограничивать причинные переносы. Потом поняли: система учится быстрее нас и понимает слово "ограничивать" иначе.

В кадре что-то ударило. Инесса оглянулась.

— Если тебе скажут, что Тагил погиб из-за одной ошибки, не верь. Ошибок было много. Моих тоже.

Аглая шагнула к экрану.

— Каких?

Запись, конечно, не ответила.

— И ещё. Не доверяй человеку, который обещает вернуть всё как было. Такое обещание почти всегда означает, что цену уже назначили кому-то другому.

Мирон почувствовал, как взгляд Аглаи на секунду касается его.

Не обвинение. Просто совпадение, от которого стало неприятно.

В дальнем конце зала щёлкнула защёлка.

Город начал закрывать часть архива.

Евдокия быстро копировала данные. «Нам дают минуту».

— Почему? — спросил Тамир.

— Потому что сердцу не нравится эта запись.

Лада посмотрела на нити. «Или потому что нравится слишком сильно».

Аглая не двигалась.

Мирон подошёл рядом, но не касался её.

— Забираем копию, — сказал он. — Остальное потом.

— Потом, — повторила Аглая так, будто проверяла слово на прочность.

Инесса на записи подняла голову.

— Если город начал собирать тело, значит, защитный режим уже провален. Тогда главное: не позволяйте сердцу назначить оператора. Он решит, что человек с подходящим Контуром обязан стать частью системы.

Все одновременно посмотрели на Мирона.

Он вздохнул. «Ну конечно».

На центральной панели вспыхнула схема человеческого силуэта.

Рядом появился показатель совместимости.

Сначала двадцать один процент.

Потом сорок семь.

Шестьдесят два.

Мирон отступил от кресла.

— Я ему не подхожу.

Евдокия посмотрела на растущую цифру. «Похоже, город другого мнения».

Аглая наконец оторвалась от записи матери.

— Тогда не спорим с ним словами. Уходим.

Когда они дошли до выхода, голос Инессы прозвучал ещё раз, уже из скрытого слоя:

— Ядро ранней сети не уничтожили. Кто-то настоял сохранить его как резерв.

Аглая остановилась.

— Кто?

На записи мать посмотрела прямо в камеру.

— Если я права, фамилия будет вам знакома.

Свет в зале погас.

На секунду в темноте прозвучало:

НЕ НАДО.

Инесса продолжила: «Первый запуск остановили. Но ядро не уничтожено».

Аглая спросила: «У кого оно?»

Вместо ответа система вывела герб Воронцовых.

Глава 24. Сердце собирает тело

Сначала город закрыл двери.

Потом остановил время в трёх кварталах.

Потом начал разбирать себя.

Мирон увидел это через внешние камеры «Снегиря».

С заводских крыш поднимались бронеовые панели. Рельсы вырывались из полотна. Краны складывались, будто огромные насекомые. Старые ходоки в ремонтных ангарах оживали и шли к центральной площади.

— Что он делает? — спросила Лада.

Евдокия смотрела на схему.

— Не город. Сердце.

— Разница?

— До сегодня я думала, что нет.

По каналу прошёл сигнал тревоги.

Воронцов снова пытался подключиться.

Аглая заблокировала канал.

— Не сейчас.

Мирон почувствовал огромный перенос долга.

Старые здания отдавали накопленные повреждения конструкциям на площади. Металл, который должен был рассыпаться, временно становился прочным. Целые мосты теряли ресурс и провисали, чтобы бронеоплиты будущей машины могли выдержать нагрузку.

— Он крадёт жизнь у города, — сказал Мирон.

— Зачем?

Ответ пришёл на все экраны.

ЭВАКУАЦИЯ.

На площади собирался ходок.

Не двадцать метров.

Не шестьдесят.

Он рос между заводами, используя их как сборочные леса. Ноги формировались из опор доменных печей. Тазовый узел из железнодорожного моста. Корпус из бронеоплит десятков машин. Вместо головы поднималась центральная башня сердца.

— Сколько высота? — спросил Тамир.

— Сто сорок и растёт, — ответила Евдокия.

Лада тихо присвистнула.

— В таком можно проиграть войну очень заметно.

Мирон смотрел на потоки данных.

— Это не боевая машина.

— А что?

— Ковчег.

Система подтвердила:

ПЕРЕНОС НАСЕЛЕНИЯ.

На экране стали появляться имена.

Тысячи.

Десятки тысяч.

Сознания жителей загружались в строящийся ходок.

Аглая спросила: «Живые тоже?»

Ответ:

ПОСЛЕ СОГЛАСИЯ.

Мирон удивился.

— После согласия?

Евдокия усмехнулась. «Похоже, испытание чему-то научило не только тебя».

Но список энергии показывал другое.

Для запуска требовалось больше памяти, чем было в архиве.

Дефицит: двенадцать процентов.

Источник компенсации:

ВНЕШНИЕ ПАССАЖИРЫ.

Аглая посмотрела на Мирона.

— Вот теперь плохо.

«Снегирь» написал:

НЕ ДАМ.

Город ответил:

ТЫ УЖЕ НАШ.

По корпусу ходока прошёл удар.

Все двери заблокировались.

Полевые нити прорвались внутрь через сервисные разъёмы.

Мирон почувствовал, как город лезет в память экипажа.

Первой вскрикнула Лада.

Из её блокнота начали исчезать чернила.

Тамир ударил копьём по кабелю. Удар продолжил искать цель через металл и ушёл в стену.

Аглая обнулила движение нитей.

На секунду они повисли.

— Мирон!

Он схватился за центральную шину.

Долг города был слишком велик, чтобы перенести.

Но можно было изменить направление.

— Снегирь, ты меня слышишь?

ДА.

— Ты хочешь остаться собой?

Пауза.

ДА.

— Тогда помоги.

Мирон почувствовал машину рядом с собой.

Не как инструмент.

Как множество голосов, которые ещё не умели говорить по отдельности.

Он потянул городской доступ из памяти «Снегиря» в собственную белую трещину.

Рука вспыхнула холодом.

Первый дом разобрался без звука.

Не рухнул. Его стены просто потеряли необходимость оставаться стенами. Кирпичи отделились друг от друга, металлические балки выскользнули из перекрытий, провода потянулись по воздуху к площади. За минуту от пятиэтажки остался пустой фундамент.

Второй дом пошёл следом.

— Там были люди? — спросил Мирон.

Евдокия проверила карту. «Живых нет. Фигуры были».

Это не успокоило.

По улице двигались механические жители. Они не убегали. Наоборот, несли к площади детали: велосипеды, дверные ручки, куски станков, старые протезы, инструменты. Кто-то тащил детскую кровать. Фигура из пальто и ключей остановилась у края площади, сняла связку с собственного плеча и положила в общий поток.

Город собирал себя из памяти о людях.

Тамир смотрел через внешний экран. «Они добровольно это делают?»

Лада ответила: «Мы не знаем, умеют ли они добровольно».

«Снегирь» вывел крупный план одной фигуры.

Она была собрана из посуды, старого радиатора и женской сумки. Вместо лица висело овальное зеркало. В нём отражался «Снегирь».

Фигура подняла руку.

На панели появилось сообщение:

НЕ МЕШАЙТЕ.

— Похоже на ответ, — сказал Мирон.

— Не на вопрос, — поправила Лада.

Аглая включила внешний громкоговоритель.

— Вы хотите, чтобы город собирал машину?

Фигура замерла.

Другие продолжили идти.

Через несколько секунд зеркало повернулось к площади.

ДА.

Потом добавилось второе слово:

БОИМСЯ.

Мирон почувствовал мурашки.

— Можно хотеть и бояться одновременно, — сказала Евдокия.

— Особенно если других вариантов не видишь, — ответил Мирон.

Они не стали останавливать поток.

Гигантский ходок рос прямо в центре города. Нижняя часть ног была собрана из заводских прессов и опор транспортных машин. В коленных узлах работали реакторы от нескольких старых ходоков. Торс складывался из каркасов цехов. Каждая новая деталь входила на место не потому, что подходила по размеру. Пространство вокруг неё на несколько секунд меняло геометрию и заставляло подойти.

— Это не мех, — сказал Мирон.

— Большой, — заметила Лада.

— Спасибо. Я про конструкцию. У него нет единой рамы. Город держит части законом.

Аглая поняла. «То есть если вывести его за разлом...»

— Он может просто рассыпаться.

— Может?

— Я механик, не пророк.

Евдокия посмотрела на него. «Пока».

Мирон сделал вид, что не услышал.

Сердце открыло новый канал и показало схему будущего тела. В центре груди гиганта находилась пустая камера.

Размером примерно со «Снегиря».

— Нам предлагают место, — сказала Аглая.

На экране появилось:

УПРАВЛЯЮЩИЙ УЗЕЛ.

Потом имя.

МИРОН ЕРМАКОВ.

— Отказываюсь, — сказал Мирон.

Система ответила:

НЕОБХОДИМО.

— Очень убедительно.

Евдокия уже искала путь обратно к сердцу. «Оно не понимает отказ. Только совместимость».

Лада потёрла пальцами горло. «Могу попробовать заставить слово "нет" стать физическим».

Аглая резко сказала: «Нет».

Лада улыбнулась. «Видишь? Пока справляемся обычным способом».

— Цена твоего слова? — спросил Мирон.

— Пока не знаю. И именно поэтому не хочу выяснять на городе.

Они перешли в машинный отсек «Снегиря». Мирон искал способ нарушить сборку без разрушения фигур. Через ладони он чувствовал несколько типов долга. Старый металл городского ходака нёс память сотен аварий. Реакторы помнили остановки, которые не случились. Жилые балки помнили людей, которых держали над землёй десятилетиями.

Все эти вещи были когда-то сохранены.

Теперь город требовал возврата.

— Он собирает не оружие, — сказал Мирон.

Тамир посмотрел на него. «А что?»

— Тело, которое сможет вынести долг отсюда.

Евдокия нахмурилась. «Зачем?»

— Потому что город умирает. Сердце понимает, что разлом больше не выдержит. Оно хочет уйти.

Аглая открыла внешнюю карту. «Вместе со всеми сознаниями?»

— Скорее всего.

— И с нашим караваном?

Мирон помолчал. «Если люди уже записаны как часть города, да».

Евдокия резко поставила кружку на стол. «Я не часть города».

— Я знаю.

— Тогда не говори так, будто мы груз.

Он кивнул. «Хорошо».

За стеной прошёл удар.

Гигант закончил левую ногу и проверил вес. Площадь просела на метр. Волна деформации дошла до «Снегиря», пол под ногами накренился.

Аглая мгновенно заняла пилотское кресло. «Стабилизаторы».

Тамир пристегнулся. Лада ушла к связному узлу. Мирон остался у машинного ядра.

— Снегирь, — сказал он. — Если город попробует построить тебя, сопротивляйся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.